НАУЧНЫЙ ЦЕНТР «АЭТЕРНА»

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Сборник статей
Международной научно-практической конференции
20 февраля 2015 г.

Уфа
АЭТЕРНА
2015

УДК 00(082)
ББК 65.26
Г 33

Ответственный редактор:
Сукиасян А.А., к.э.н., ст. преп.;

Г 33 ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: сборник статей Международной научно-практической конференции (20 февраля 2015 г., г. Уфа). - Уфа: Аэтерна, 2015. – 84 с.
ISBN 978-5-906790-23-1

Настоящий сборник составлен по материалам Международной научно-практической конференции **«ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА»,** состоявшейся 20 февраля 2015 г.в г. Уфа.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а так же за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 00(082)
ББК 65.26

ISBN 978-5-906790-23-1

© Коллектив авторов,2015
© ООО «Аэтерна», 2015

УДК 34

Р.Н. Абдрахманов
Студент
Димитровградского инженерно-технологического института –
филиал НИЯУ МИФИ
г. Димитровград, Российская Федерация

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Организованная преступность появилась еще в СССР в 1960-х годах и была представлена организованными преступными формированиями, которые совершают в основном корыстные и корыстно-насильственные преступления, ведущие теневую и легальную экономическую деятельность, имеющие коррупционные связи в органах власти.

Российские преступные группы остаются мощными по причине их эффективной иерархической структуры и разделения труда, крупномасштабных финансовых ресурсов, используемых для инвестиций в легальную экономику, и имеющие очень строгую внутреннюю дисциплину.

Говоря о практике борьбы с организованной преступностью в России, следует отметить, что российская уголовная политика в названной сфере переживает кризис, который длится уже два десятилетия, а именно с того времени, когда стали разворачиваться рыночные преобразования, сопровождавшиеся бурным ростом организованной и экономической преступности. Однако положительные моменты в борьбе с организованной преступностью все-таки имеются. Например, в Ульяновской области в 2012 году на особом контроле находились вопросы повышения эффективности работы по противодействию организованной преступности. В результате была пресечена преступная деятельность семи организованных групп, участники которых занимались убийствами по найму, вымогательством, грабежами, кражами и незаконным распространением наркотических средств. Общее число состоящих на оперативном учете органов внутренних дел области организованных криминальных структур сократилось на 25%, количество их членов на 10,6%. По линии противодействия организованным формам преступности в 2011 году возбуждено 41 *(2010 – 38)* уголовное дело, задокументировано 49 *(2010 – 57)* преступлений общеуголовной направленности. Доказана причастность к их совершению 21 *(2010 – 41)* участника организованных криминальных структур. При этом важно отметить, что, несмотря на снижение преступлений, связанных с организованными формами преступности в городе Ульяновск действует 16 молодежных организованных преступных групп, которые состоят из несовершеннолетних лиц. Идет активное внедрение несовершеннолетних в преступную среду. У большей части членов молодежных группировок сменился род деятельности. Сейчас это фактически бесплатная рабочая сила, которая трудится, например, на охране нелегальных парковок[2].

Необходимо усовершенствовать борьбу с организованной преступностью в следующих рамках:

- разобщение организованных преступных формирований и их ликвидация;
- выявление и наказание лидеров и активных участников организованной преступной деятельности;

- декриминализация государственных структур, которые связаны с организованными преступниками;

- обеспечение специализированной подготовки и поддержание качественного кадрового состояния и материально-ресурсного обеспечения сил правопорядка, участвующих в борьбе с организованной преступностью;

- обеспечение безопасности участников уголовно-процессуальной деятельности и иных участников борьбы с организованной преступностью;

- обеспечение безопасности участников уголовно-процессуальной деятельности и иных участников борьбы с организованной преступностью[3, с. 542-543].

В заключение необходимо сказать о том, что данное преступление посягает на жизнь, здоровье, свободу человека, а также на общественную безопасность, основы конституционного строя и безопасность государства, поэтому необходимо совершенствовать методы борьбы с организованной преступностью и успешно с ней бороться.

Список использованной литературы:

1. Мишин Г.К. Уголовно-политические проблемы в сфере борьбы с организованной преступностью // Современные разновидности российской и мировой преступности: состояние, тенденции, возможности и перспективы противодействия: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Лопашенко. — Саратов, 2005. С. 104-109.

2.Официальный сайт УМВД России по Ульяновской области. URL: http://73.mvd.ru/citizens/otchety (24.12.2014).

3.Криминология: Учебник для вузов / Под ред. А.И. Долговой. — М., 2005. – 912 с.

© Р.Н. Абдрахманов, 2015

УДК-001.4

А.К.Агамиров
старший преподаватель кафедры гражданского права
и процесса, кандидат педагогических наук
Российский государственный социальный университет,
филиал в г. Сочи
Российская Федерация

К ВОПРОСУ О РАЗВИИ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Исторические вопросы развития Российского конституционализма становятся все более актуальными и значимыми для общества. Для общества, чрезвычайно важным становится обращение к прошлому, изучение опыта предшествующих поколений и использование его для решения глобальных задач.

Вопросы конституционного развития в современной России становиться одной из главной проблемой политического развития. При поведении реформ возникли трудности, которые поставили под сомнение возможность использования для России классических западных моделей политического устройства, что привело, а в дальнейшем и обусловило рост интереса к отечественному опыту российского конституционализма. Необходимость изучения данной темы определяют споры вокруг ряда проблем связанных с данной тематикой. Общеизвестно, что российский

конституционализм реализовывался чрезвычайно поздно. Этот исторический аспект изучен достаточно детально. Но российский конституционализм - это не только политическая практика, идейное течение и определенная идеологическая концепция.

Конституционализм в Росси имеет длительную традицию становления. Первоначальный этап истории отечественного конституционализма остается недостаточно изученным. Без всестороннего изучения определенных вопросов достаточно трудно выстроить четкую и логическую картину политического развития России во второй половине XVIII - начале XIX вековую. В последнее десятилетие история российского конституционализма посвящено немало исследований. Популярность темы, казалось бы, должна была способствовать всесторонней ее проработке. Но до сих пор одной из основных в исторической науке продолжает оставаться так называемая «терминологическая проблема», в основе которой лежит содержательная неоднозначность понятия «конституционализм».

Термин «конституционализм» происходит от термина «конституция», но в то же время не равнозначен ему и имеет множество значений в современной научной литературе. Конституции в современном смысле слова появились в период Нового времени, когда формулировались теории и закладывались основы современного демократического государства. В различные исторические эпохи термином «конституция» именовались правовые акты, юридическое и политическое значение которых было иным, чем у конституций Нового времени на протяжении XVIII, XIX и XX веков.

Несмотря на существование различных подходов к проблеме возникновения конституционализма, преобладающим остается мнение, согласно которому термин «конституционализм» впервые появился в американской политико-правовой мысли в конце XVIII - начале XIX веков. Им обозначали верховенство писаной конституции над издаваемыми законами и иными правовыми актами. Однако, в дальнейшем данный термин получил более широкое толкование и стал применяться для характеристики процессов перехода к демократии и установления конституционного строя. В то же время в современных исследованиях концепцию конституционализма считают тесно связанной с господством права, правлением закона. Эта концепция связывает правление закона с понятием писаной конституции, устанавливающей основные процедуры, которые должны использоваться правителями и которым они должны подчиняться.

В современной исследовательской литературе используются различные подходы к определению конституционализма. Один из таких подходов определяет конституционализм, как государственное правление, ограниченное конституцией; второй - видит в конституционализме учение о конституции как основном законе государства и общества и их взаимоотношениях; третий подход утверждает, что конституционализм - это политическая система, основанная на конституционных методах правления.

Исторический подход к выявлению понятий современного конституционализма в странах с развитой демократией позволяет исследователям выделять античный, средневековый и современный конституционализм. Что касается истории конституционализма в России, то в современной науке используется историко-страноведческий подход это и способствовало активизации дискуссии о характере происхождения идей, принципов и институтов российского конституционализма.

В ходе изучения данной темы, было выделено два подхода. Согласно первого в России имеются свои давние традиции, уходящие корнями в глубь веков. Второй предполагает, что для большинства государств, конституционализм может иметь только заимствованное происхождение. Несмотря на то, что в настоящее время в исследовательской литературе предпринимаются попытки применить вышеуказанный подход в процессе интерпретации истории становления отечественного конституционализма, все же до сих пор исследователи очень неохотно в своих работах дают определение самого понятия «конституционализм», особенно это касается исследований, посвященных ранним этапам истории конституционализма в России. Связано это, прежде всего, с тем, что само понятие «конституционализм» в целом является относительно новым для исторической науки, поскольку длительное время оно не использовалось для интерпретации истории российского государства. Подобное неприятие термина «конституционализм» применительно к российской истории было обусловлено тем, что эту категорию в советских исследованиях неразрывно связывали с определением «буржуазный», предполагавшем наличие либерально-демократического правопорядка и плюралистической системы, которые отсутствовали как в царской России, так и в Советском государстве. Таким образом, негативная окраска определения «буржуазный» не способствовала особой популярности термина «конституционализм» у историков советского времени.

Проблемы и степень изучения историографии конституционализма в России начала века, достаточно содержательна и многогранна, хотя многие аспекты конституционной проблематики рассматриваемого периода не могут считаться достаточно разработанными. Освещение получали только некоторые фрагменты и элементы темы. Как дореволюционные, так и советские историки нередко касались ее лишь косвенно, при исследовании тех или иных смежных вопросов, а также в работах, посвященных отдельным этапам освободительного движения.

В целом, на разных этапах развития отечественной историографии изучение истории конституционализма в России второй половины XYIII - начала XIX веков осуществлялось крайне неравномерно. Поэтому, целесообразно выделить дореволюционный, советский и современный. Каждый из этих периодов отличается идеологическим и методологическим подходами, кругом привлекаемых источников, широтой охвата затрагиваемых тем, глубиной выводов и обобщений, уровнем теоретического осмысления исторических фактов и степенью научной достоверности .

Список литературы

1. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. – М.: Норма, 2008.
2. Ярошенко Н.И. Конституционность, законность и уставность как правовые категории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2012. № 6
3. Веревкина Ю.Ю. Понятие «конституционализм»: подходы советских ученых// Труды Института государства и права РАН. 2012. № 2. С.13-24 (0,7 п.л.)
4. Агамиров.А.К. Проблемы правовой защиты интересов работника./ Наука и практика: мировые, российские и региональные тенденции развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Сочи 16 мая 2014 г. С.68.

© А.К.Агамиров, 2015

УДК 343.2/.7

О.О. Айвазян
к. п. н., заместитель декана факультета среднего профессионального образования, преподаватель кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Автономной некоммерческой образовательной организации высшего профессионального образования «Институт экономики и управления в медицине и социальной сфере», г. Краснодар, Российская федерация
С.О. Енокян
специалист по специальности «Юриспруденция», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Адыгейский государственный университет» Г. Майкоп, Российская Федерация
А.А. Кукушкина
аспирант Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Адыгейский государственный университет» Г. Майкоп, Российская Федерация

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ОСНОВ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ ЗА УГОЛОВНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В сложившихся условиях развития общества налаживание правопорядка в Российской Федерации недостаточно развито. Меры, которые предпринимаются в целях противодействия организованной преступности, не отличаются положительной эффективностью, причиной тому служит отсутствие в действиях соответствующих органов определенной системы.

Учитывая то, что в настоящее время криминалогенная обстановка в нашей стране процветает, необходима четко отлаженная деятельность соответствующих силовых ведомств, в направлении соблюдения законных прав потерпевших и преступника. И это один из факторов борьбы со сложившейся обстановкой.

Согласно ст. 2 Конституции РФ правами и свободой человека и гражданина признается социально-политическая ценность, и в соответствии со ст. 1 УИК РФ необходимо строгое соблюдение основной задачи, которая включает охрану прав, свобод и интереса лиц, являющихся осужденными за преступление [2].

На основе всего изложенного, правовой статус заключенного изменяется из-за уголовного наказания. Но несмотря на это у каждого лица, осужденного за преступление имеется сфера дозволенного поведения, которая включает соблюдение их законных прав и интересов, имеющихся до того, как они были осуждены.

Субъективные права подобных лиц включают следующее:

1. Свобода в использовании своих социальных благ;
2. При необходимости использование возможности обратиться к соответствующим органам в целях защиты своих законных прав.

Помимо этого в ст. 12,13,14,15 УИК РФ имеется перечень прав заключенных, включающий:

1. Достоверность соответствующих сведений;
2. Вежливость в обращении сотрудников ИУ;
3. Законное соблюдение прав на безопасное нахождение, заключенных в ИУ;
4. Право на возможность обращаться в соответствующие органы в целях защиты своих прав и свобод;
5. Помощь со стороны психологических и юридических служб при необходимости;
6. Иностранцы имеют право на связь с консульским учреждением своей страны;
7. Сохранение своей безопасности;

8. Свобода в выборе вероисповедания [3, с.46].

Также в соответствии со ст. 45 Конституции РФ имеются гарантии защиты прав и свобод гражданина. Данная статья включает возможность использования помощи соответственных органов [2].

Законные интересы закреплены в соответствующих нормах права определенного действия и к ним относятся:

1. Получение поощрения, включающие возможность досрочного освобождения, либо облегченность условий содержания при соответственном поведении в ИУ;
2. Получение соответствующих льгот, но не противоречащих российскому законодательству;
3. Получение основных благ, которые имеют отражение в законах РФ.

Для того, чтобы рассмотреть все стороны правовой статус, заключенных необходимо также перечислить содержание обязанности данных лиц.

Юридическая обязанность заключенных, включает меру дозволенного поведения в условиях нахождения в ИУ, необходимая в целях установления соответствующего правового порядка и для исправления таких лиц.

В ст. 11 УИК РФ прописываются основы юридических обязанностей заключенных, включающие:

1. Обязанность соблюдать основные правила и нормы, принятые в определенной группе, к тому же придерживаться санитарно-гигиеническим требованиям в ИУ;
2. Придерживаться требований, содержащихся в ФЗ РФ, а также подчиняться администрации ИУ;
3. Быть вежливым по отношению ко всем людям в ИУ [1, с.111].

Все это, должно быть исполнено без нарушения условий отбывания наказания и прав других людей.

На основе всего выше сказанного, следует отметить, что в современный период в стране имеются правовые нормы, которые строго закрепляют правовое положение заключенных, но и они далеки от совершенства.

Список использованной литературы:

1. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Бриллиантов А.В., Курганов С.И.; под ред. А.В. Бриллиантова. - М.: Проспект, 2011. - 416 с.
2. Конституция РФ. – М.: Маркетинг. - 2007. – 39 с.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 03.02.2014).

© О.О. Айвазян, С.О. Енокян, А.А. Кукушкина, 2015

УДК 347

Н.Р. Байбулатова
Магистр 2 курса Института права
Башкирский государственный университет
Г. Уфа, Российская Федерация

ЗАЩИТА ВЕЩНЫХ ПРАВ СОБСТВЕННИКА ЗДАНИЯ И СООРУЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На сегодняшний день для города Уфы, как в целом по России, актуальны проблемы определение перспектив и этапов приобретения в собственность земельного участка из

земель города гражданином, имеющим на данном земельном участке в собственности комплекс зданий и сооружений.

Рассмотрим ситуацию. На огорожённом земельном участке площадью 5870 кв. м, находятся нежилые здания и сооружения (два административных корпуса, мастерская, проходная, гараж, склад), общей площадью 1885 кв. м, принадлежащие с 23.09.2008 на праве собственности гражданину.

В отношении указанного земельного участка 01.06.1998 между Администрацией г. Уфы и ООО «Х» заключен договор аренды земель города сроком на 25 лет для размещения производственной базы. Участок используется по назначению.

Возможно ли приобретение данного земельного участка в собственность гражданина – собственника комплекса зданий и сооружений при условии отсутствия возражений со стороны арендатора земли ООО «Х»? Какова процедура оформления передачи участка в собственность?

Возникновение, сохранение и изменение права собственности и других вещных прав на образуемые или измененные земельные участки осуществляются в соответствии со статьями 11.4 - 11.8 [1] в Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (далее по тексту ЗК РФ).

Предельные размеры площади части земельного участка, занятой зданием, строением, сооружением и необходимой для их использования, определяются в соответствии с пунктом 3 статьи 33 ЗК РФ исходя из утвержденных в установленном порядке норм отвода земель для конкретных видов деятельности или правил землепользования и застройки, землеустроительной, градостроительной и проектной документации.

Пункт 3 статьи 35 ЗК РФ устанавливает для собственника здания, находящегося на чужом земельном участке, преимущественное право покупки или аренды этого земельного участка, которое осуществляется в порядке, установленном гражданским законодательством для случаев продажи доли в праве общей собственности постороннему лицу. Преимущественное право покупки урегулировано статьей 250 ГК РФ.

Согласно пункту 8 статьи 22 ЗК РФ при продаже земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, арендатор данного земельного участка имеет преимущественное право его покупки в порядке, установленном гражданским законодательством для случаев продажи доли в праве общей собственности постороннему лицу, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 1 статьи 36 настоящего Кодекса.

Приобретение прав на земельные участки, которые находятся в государственной или муниципальной собственности и на которых расположены здания, строения, сооружения граждане и юридические лица, имеющие в собственности здания, строения, сооружения, расположенные на земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, приобретают права на эти земельные участки в соответствии ЗК РФ (пункт 1 статьи 36 ЗК РФ) [2].

Продажа земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, собственникам зданий, строений, сооружений, расположенных на этих земельных участках, осуществляется по цене, установленной соответственно органами исполнительной власти и органами местного самоуправления. Порядок определения цены этих земельных участков, их оплаты устанавливается в отношении (пункт 1.1 статьи 36 ЗК РФ): земельных участков, находящихся в муниципальной собственности, - органами местного самоуправления (подпункт 3 пункта 1.1 статьи 36 ЗК РФ).

При этом цена земельных участков, указанных в пункте 1.1 статьи 36 ЗК РФ, не может превышать их кадастровую стоимость. До установления уполномоченным Правительством

Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, органом государственной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления порядка определения цены земельного участка эта цена устанавливается в размере его кадастровой стоимости.

Согласно статье 552 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) права на земельный участок при продаже здания, сооружения или другой находящейся на нем недвижимости возникают: по договору продажи здания, сооружения или другой недвижимости покупателю одновременно с передачей права собственности на такую недвижимость передаются права на земельный участок, занятый такой недвижимостью и необходимый для ее использования. В случае, когда продавец является собственником земельного участка, на котором находится продаваемая недвижимость, покупателю передается право собственности на земельный участок, занятый такой недвижимостью и необходимый для ее использования, если иное не предусмотрено законом. Продажа недвижимости, находящейся на земельном участке, не принадлежащем продавцу на праве собственности, допускается без согласия собственника этого участка, если это не противоречит условиям пользования таким участком, установленным законом или договором.

При продаже такой недвижимости покупатель приобретает право пользования соответствующим земельным участком на тех же условиях, что и продавец недвижимости [3].

Приобретение в собственность земельного участка гражданином, являющимся собственником находящегося на нем здания, строения или сооружения, способствует соблюдению принципа superficies solo cedit ("строение следует за землей"), закрепленного подпунктом 5 пункта 1 статьи 1 ЗК РФ [4].

По общему правилу находящиеся в публичной собственности земельные участки предоставляются в собственность граждан за плату (хотя законодательством могут предусматриваться и случаи их бесплатного предоставления в собственность) и с соблюдением установленных нормативными актами предельных (максимальных и минимальных) размеров (статья 33 ЗК РФ) (хотя количество таких участков, находящихся в собственности одного гражданина, формально не ограничено). Исключение составляют земельные участки сельхозназначения, находящиеся на территории одного субъекта РФ (статья 4 Закона об обороте земель сельхозназначения [5]). Е.А. Суханов подчеркивает, что порядок предоставления земельных участков в собственность граждан из государственных или муниципальных земель определяется ЗК РФ, а не законодательством о приватизации. (Исключение составляют случаи бесплатного перехода в общую собственность граждан земельных участков под многоквартирными жилыми домами, жилые помещения в которых перешли в их частную собственность (статья 16 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. N 189-ФЗ "О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации" (СЗ РФ. 2005. N 1 (ч. I) [6]), а также статья 36 Жилищного Кодекса Российской Федерации)). Эти случаи регулируются жилищным, а не земельным законодательством. Приобретение гражданами земельных участков у других частных собственников осуществляется по основаниям и в порядке, предусмотренным ГК РФ (сделки об отчуждении, наследование и др.) [7].

Исходя из приведенного мнения Е.А. Суханова, в рассматриваемом нами случае следует руководствоваться ЗК РФ.

Пунктом 2 статьи 28 ЗК РФ о приобретение прав на земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности закреплено предоставление земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в собственность граждан за плату [8].

Собственник здания, строения, сооружения, находящихся на чужом земельном участке, имеет преимущественное право покупки или аренды земельного участка,

В случае, если земельный участок находится в государственной или муниципальной собственности, применяются правила, установленные пунктом 1 статьи 36 настоящего Кодекса.

Статья 36 содержит последовательность действий для приобретение прав на земельные участки, которые находятся в государственной или муниципальной собственности и на которых расположены здания, строения, сооружения

Пунктом 1 статья 36 ЗК РФ определено, что граждане и юридические лица, имеющие в собственности, безвозмездном пользовании, хозяйственном ведении или оперативном управлении здания, строения, сооружения, расположенные на земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, приобретают права на эти земельные участки в соответствии с настоящим Кодексом.

Таким образом, если иное не установлено федеральными законами, исключительное право на приватизацию земельных участков или приобретение права аренды земельных участков имеют граждане и юридические лица - собственники зданий, строений, сооружений. Указанное право осуществляется гражданами и юридическими лицами в порядке и на условиях, которые установлены настоящим Кодексом, федеральными законами [9].

Список использованной литературы:

1. Все о земельных отношениях: кадастровый учет, право собственности, купля-продажа, аренда, налоги, ответственность"//Ершов В.А., "ГроссМедиа", "РОСБУХ", 2009 // СПС «КонсультантПлюс»

2. Пункт 1 статья 36, "Земельный кодекс Российской Федерации" от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 28.12.2013)// СПС «КонсультантПлюс»

3. Статья 552, Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ/ред. от 02.12.2013// СПС «КонсультантПлюс»

4. Российское гражданское право: В 2 т. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: Учебник (том 1) (2-е издание, стереотипное)/отв. ред. Е.А. Суханов,"Статут", 2011// СПС «КонсультантПлюс»

5. Федеральный закон от 24.07.2002 N 101-ФЗ (ред. от 28.12.2013)"Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" //СПС «КонсультантПлюс»

6. Федеральный закон от 29.12.2004 N 189-ФЗ (ред. от 07.06.2013)"О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации"// СПС «КонсультантПлюс»

7. "Жилищный кодекс Российской Федерации" от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 28.12.2013)// СПС «КонсультантПлюс»

8. Статья 35, "Земельный кодекс Российской Федерации" от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 28.12.2013)// СПС «КонсультантПлюс»

9. Статья 36, "Земельный кодекс Российской Федерации" от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // СПС «КонсультантПлюс»

© Н.Р. Байбулатова, 2015

УДК 343.95

А.М. Васильев
Кубанский государственный университет, филиал в г. Тихорецке, профессор кафедры, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор
г. Армавир, РФ
Н.А. Васильева
Армавирская государственная педагогическая академия, преподаватель кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук
г. Армавир, РФ

УСЛОВИЯ ДОГОВОРА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ СУДЬБУ ДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

В соответствии с п. 2 ст. 130 ГК РФ вещи, не относящиеся к недвижимости, включая деньги и ценные бумаги, признаются движимым имуществом.

Определение судьбы движимого имущества в брачном договоре является простым и одновременно сложным вопросом. С одной стороны стоимость движимого имущества обычно не так высока (исключение составляют ценные бумаги, о которых подробнее будет рассказано ниже), если сравнивать ее со стоимостью недвижимости. Но с другой стороны нередко бывает так, что недвижимое имущество было приобретено супругами до заключения брака или получено по безвозмездным сделкам, и самой существенной проблемой является определение судьбы именно движимого имущества, тем более, если стоимость его существенна.

Сложности здесь добавляет также то обстоятельство, что большая часть движимого имущества имеет свойство в течение весьма ограниченных сроков изнашиваться, приходить в негодность, терять первоначальные свойства и т.д.

Более или менее просто можно распорядиться судьбой транспортных средств, т.к. все они состоят на учете в ГИБДД, подлежат обязательному страхованию, да и износ и уменьшение их стоимости - обычно процесс достаточно длительный (если не считать возможных аварий).

Остановиться подробнее, пожалуй, стоит на таком специфическом предмете, как "проданный по доверенности" автомобиль, т.е. когда договор купли-продажи не составлялся, а машина передавалась покупателю во владение на основании доверенности. В свое время такая форма продажи автомобилей, если это можно так назвать, была весьма распространена. Юридически собственником автомобиля оставался прежний хозяин, фактически же автомобилем владел и пользовался другой человек. В том случае, если кем-либо из супругов совершалась подобная сделка стоит указать на то, что данный предмет выбыл из владения супругов на неопределенное время и не может учитываться при разделе имущества в случае расторжения брака. Можно применить и другие формулировки либо другие условия, важно только, чтобы имелось указание на то, что право собственности на данный автомобиль не представляет собой никакой ценности. Для чего это нужно?

Конечно, когда супруги мирно разводятся, никто о "проданном по доверенности" автомобиле не вспомнит, а вот когда начинаются споры... Бывает всякое, при разделе имущества в суде один из супругов может заявить, что данный автомобиль находится в распоряжении второго супруга. И если транспортное средство зарегистрировано в ГАИ именно на второго супруга и данный факт будет установлен судом, то вполне вероятно, что суд учтет это имущество при определении доли каждого из супругов в общем имуществе. В

общем, супругу, на имя которого такой автомобиль зарегистрирован, следует подстраховаться[1].

Куда сложнее определить судьбу предметов бытового назначения: телевизоров, компьютеров, стиральных машин и т.д. Дело в том, что все эти предметы имеют довольно-таки ограниченный по сравнению со средней продолжительностью брака срок использования и по истечении определенного промежутка времени приходят в негодность или существенно теряют в цене. В момент заключения брачного договора предусмотреть все возможные изменения, касающиеся такого имущества практически невозможно. Между тем, как это ни странно звучит, большинство споров, возникающих между супругами во время разводов, касается не дорогостоящей недвижимости, а именно предметов бытового назначения.

Как же выйти из этой ситуации?

Практика подсказывает один простой, но надежный способ: определение судьбы предметов по их видовой принадлежности. Например, можно включить в договор такие условия:

1) в период брака все предметы бытового назначения находятся в совместной собственности;

2) в случае прекращения брака - данные предметы делятся между супругами следующим образом: теле-, видео- и компьютерная техника переходят в собственность одного супруга, а мебель и остальная техника бытового назначения переходят в собственность второго супруга.

Это, конечно, весьма схематичный пример, но на практике можно более подробно изложить подобные условия, указав все типы имущества (например, холодильники, стиральные машины, телевизоры и т.д.), можно даже использовать специальную терминологию, если определяется судьба специфических видов имущества (например, ценные виды растений, животных, специализированная техника).

Вышеописанный способ, безусловно, не является решением всех проблем, связанных с определением судьбы движимого имущества, т.к. основан не на справедливом распределении вещей, а на желании облегчить процедуру раздела имущества. В конце концов, супруг, имеющий большие доходы, может тратить в большей степени на то имущество, которое принадлежит или будет принадлежать ему. Поэтому, решая вопрос о судьбе движимого имущества, супругам следует найти компромисс, который устроит их обоих, причем не только в момент заключения договора, но и в будущем.

Как уже говорилось, к общему имуществу супругов, помимо прочего, относятся: ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации. Это имущество по своей сути является движимым.

© А.М. Васильев, А.М. Васильев, 2015

УДК 316

М.М. Васягина, к.ю.н., доцент кафедры
правоохранительной деятельности и исполнительного производства
Юридический факультет СВФ РПА Минюста России
г. Саранск, Российская Федерация

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Сущность гражданского общества определяется иерархией ценностей. Основным в системе ценностей гражданского общества ценностным атрибутом выступает свобода. В

[1] Гонгало Б.М., Крашенинников П.В. Брачный договор. М.: Статут, 2002. С. 31.

контексте гражданского общества личная свобода принимает форму деятельности, которая не вредит другим членам общества. Человек вынужден предоставлять окружающим те же самые права, которыми он сам обладает, или, как считает Р.Б. Калмыков, человек наравне с другими членами общества «берет на себя обязательства по ненанесению всем им ущерба способом, не предусмотренным общепринятыми правилами, нормами, законом»[4, с. 21].

Но не может идти речи о свободе личности там, где нет выбора, альтернативы. Такого права выбора требует принцип равенства, который является вторым ценностным атрибутом морали гражданского общества. Равенство – это состояние, когда всем гражданам предоставляются равные стартовые возможности в выборе жизненных альтернатив. Это не уравнивание людей в сфере материального достатка, но, по словам К.С. Гаджиева, действия, предполагающие «создание защитных мер, дабы никто не мог пасть ниже общего исходного статуса»[3, с. 181].

Справедливость, как один из нравственных ориентиров, предполагает отношение к окружающим как к равным, равноправным, но, однако, не принуждает их подниматься до высшего материального, интеллектуального, образовательного и т.д. уровня. Суть справедливости состоит в том, чтобы, абстрагируясь от личной оценки, увидеть в другом человеке равного себе, предоставив ему вместе с тем равные возможности выбора в сфере жизненных ориентиров.

Но, что же движет человеком, когда он добровольно ограничивает себя в действиях, желаниях, поступках, считаясь с мнением и правами другого? Разумно предположить, что мы испытываем на себе действие сильнейшего духовно-нравственного принципа гражданского общества – толерантности.

Исходя из убеждения, что все люди равны между собой, мы сознательно идем на отказ от части своих притязаний, дабы не чинить окружающим Ущерб. То есть в данном случае решающее значение имеет уважение к личности другого человека, его правам и свободам. А толерантность как раз и заключается в уважительном отношении к самобытности другого. Это подразумевает подавление в себе чувства неприятия, вызванного «неодинаковостью» окружающих.

В.М. Соколов трактует термин толерантность следующим образом: «Толерантность (терпимость) – определенная мировоззренческая и нравственно-психологическая установка личности на то, в какой мере ей принимать или не принимать различные, прежде всего чуждые идеи, обычаи, культуру, нормы поведения и т.д.»[6, с. 54].

В данном случае принципиальным является момент, согласно которому толерантность не исключает дискуссии, справедливой критики, осуждения т.е. ее не следует рассматривать как слепое согласие с точкой зрения окружающих. С другой стороны, моментальное желание запретить, заклеймить закрыть глаза на существование «иного», «чуждого» вместо «единого» – это полное отсутствие возможности впредь разобраться в ситуации, определить подлинную сущность «иного».

Уровень толерантности отдельно взятого человека является индикатором его человеческих качеств, нравственной зрелости, компетентности в оценке политических событий и общественных явлений. Степень толерантности социума, по мнению Е.В. Воронова, иногда может рассматриваться в качестве главного критерия его духовно-нравственного, социального, политико-государственного развития[2, с. 196]. Поэтому в настоящее время проблема толерантности остро стоит на всех социальных уровнях.

Во-первых, поднимается вопрос о том, до какой степени разумно допускать развитие установок на терпимость. Культурно и нравственно зрелой считается позиция уважительного отношения к носителям «чуждого», «иного», когда признаются справедливыми их попытки представлять элементы «чуждого» в культурной и социальной жизни другой нации. Таким образом, это отнюдь не позиция равнодушия и

невмешательства, а активного взаимодействия и сотрудничества. Это своего рода межкультурный диалог, в котором каждый представитель своей нации вправе выражать особенности национального менталитета, сохраняя при этом ценность самобытности.

Во-вторых, остро стоит проблема признания необходимости формирования различных видов толерантности – межэтнической политической, культурной, научной, идеологической. В последнее время в мире резко обострились межэтнические конфликты, связанные с различиями в религиозной сфере. Произошло резкое расслоение мировой цивилизации в плане экономической, политической, морально-этической, социальной обстановки. В свете сложившихся событий вопрос развития толерантности приобрел особо острое звучание.

По мнению М.С. Абирова, возрастающий интерес к проблеме состояния толерантности в России можно объяснить серьезными социальными и политическими противоречиями, кризисом культуры, нравственности, массового сознания. Политический хаос, разрушение сложившихся принципов солидарности, социальных идентификаций, моральных норм, криминализация общества обернулись проблемой резкого непонимания, разрушения «мостов согласия и целостности социума» [1, с. 223].

Политическое и социальное недовольство народа проявляется, не находя иного выхода, в грубости, оскорблениях на бытовом уровне. Поэтому, как замечает Л.М. Романенко, необходимо вовлекать в процесс толерантности все большее число индивидов. Ведь, «чем больше людей придерживается стандартов взаимоуважения и терпимости, и чем серьезнее роль, которую эти люди играют в обществе, тем выше социальное влияние толерантности на весь социум»[5, с. 178]. При этом публичная политика должна строиться не на сокрытии и замалчивании проблем, связанных с различиями в национальном менталитете, напротив, она должна идти им навстречу, вырабатывая нормы толерантного поведения (включая эталоны речевой толерантности) и навыки межличностного взаимодействия.

Совместное проживание – это постоянное общение членов общества между собой. Нельзя надеяться, что свобода, равенство или справедливость, получив законный конституционный статус, начнут проявлять себя в человеческих отношениях. Это возможно лишь при условии действенности такого ценностного ориентира, как толерантность. В общении люди должны находить точки соприкосновения. Это легче сделать, если обе стороны руководствуются толерантным друг к другу отношением, т.е. они пытаются достичь согласия, установив диалог, признав друг за другом право на свое мнение, убеждение, позицию.

Кажутся неоспоримо важными все вышеуказанные из нравственных доминант гражданского общества. Совершенно точно можно сказать одно: не только документально оформленные законы определяют порядок совместного проживания членов гражданского общества. Лишь постоянное ощущение себя частью общества, в котором главенствуют человеческие отношения, моральные ценности, порядочность в силах обеспечить жизнь, достойную уважающего себя человека. Многое в данном случае зависит и от того, насколько возможным окажется признание принципов толерантности теми, кто до сих пор относился к «нетолерантному» миру.

Список использованной литературы:

1. Абиров М.С. Об основных условиях становления и развития гражданского общества в социальной системе // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. университета им. Г.Р. Державина. 2013. № 1 (047).

2. Воронова Е.В. Толерантность как составляющая гражданского общества и современной системы образования: Материалы II Международной научно-практической

конференции «Формирование правовой, межэтнической, религиозной и профессиональной культуры современного специалиста. Рязань: Изд-во «Концепция», 2013.
3. Гаджиев К.С. Введение в политическую философию: Учебное пособие. М.: «Логос», 2004.
4. Калмыков Р.Б. Анатомия свободы. Иваново, 1995. С. 21.
5. Романенко Л.М. Лики российской толерантности // Полис. 2002. № 6.
6. Соколов В.М. Толерантность: состояние и тенденции // Социс. 2003. № 8.
© М.М. Васягина, 2015

УДК 349.2

О.Л.Вербина
Доцент кафедры предпринимательского и трудового права
Курский государственный университет
Г. Курск, Российская Федерация

О СООТНОШЕНИИ КОНЦЕПЦИИ ДОСТОЙНОГО ТРУДА МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА И НОРМ ТРУДОВОГО ПРАВА РФ

Сфера труда, пожалуй, как никакая другая получила развитие в современном международном регулировании. Без преувеличения этот международный базис можно назвать одним из важнейших достояний цивилизованного общества в правовой сфере, что особо значимо для российского правотворчества в области трудовых правоотношений.

Еще во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г. закреплено, что каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы.[1]

Основу современного правового регулирования социально-трудовых отношений во всех странах, включая Россию, составляют общепризнанные принципы и нормы международного права, сформулированные в документах Международной организации труда (МОТ). На сегодняшний день одних только конвенций и рекомендаций МОТ действует около четырехсот. Их действенность обеспечивается не только тем, что в них декларируются соответствующие нормы по улучшению условий труда, но и формулируются правовые способы их реализации, содействующие достижению успехов работников в борьбе за социальную справедливость, формированию и дальнейшему расширению гуманной тенденции деятельности МОТ по углублению ее заботы о создании для всех работающих возможности реального предоставления условий для достойного труда, обеспеченного государственными гарантиями.

Известно, что процесс экономических преобразований в современных условиях глобализации вызывает разные последствия. С одной стороны, он продолжает помогать ряду стран воспользоваться высокими темпами экономического роста. С другой стороны, заставляет сталкиваться с серьезными проблемами в сфере труда, связанными с хронически высоким уровнем безработицы, низким уровнем зарплаты и др.

В сложившейся обстановке достижение более высоких и справедливых условий труда в интересах всех работающих стало как никогда необходимым.

В 1999 г. МОТ обосновала концепцию достойного труда, где достойным называется производительный труд, который одновременно является свободным, безопасным,

справедливо оплачиваемым, развивающим и не принижающим достоинство человека.[2,с.3-4] Она направлена на осуществление четырех главных целей: претворения в жизнь основополагающих прав в сфере труда; расширения возможностей занятости и получения дохода; совершенствования систем социальной защиты; укрепления социального диалога.

Признание на высоком уровне термина «достойный труд» явилось легальным основанием для более широкого его использования в нормах МОТ, в нормативных соглашениях об условиях труда различных стран, в том числе и РФ, например в Генеральном соглашении, заключенном 30 декабря 2013 г.[3], а также в юридической литературе. Нередко название «достойный» стало применяться в случаях, прежде именовавшихся «справедливыми» условиями.

Показательно, что в современной литературе отсутствует определение понятия достойного труда, между тем оно весьма важно для реализации его концепции. По существу, этот вопрос пока остается в основном предметом теоретического обсуждения представителями различных отраслей науки. Как отмечала А.И.Шебанова, позиция МОТ в этом вопросе такова: к признакам достойного труда относятся: продуктивная деятельность или производительный труд, способный обеспечивать конкурентоспособность страны; справедливый доход для работников; безопасность на рабочем месте; социальная защита; перспективы личного роста; активное участие в принятии важных управленческих решений; равные стартовые возможности для обоих полов.[4]

Декларация МОТ «О социальной справедливости в целях справедливой глобализации» от 10 июня 2008 г. содержит совместные обязательства государств-участников МОТ по расширению возможностей достижения прогресса и социальной справедливости. РФ идет по пути нормативного закрепления данных положений в своем законодательстве, включая нормы о минимальном размере оплаты труда (МРОТ), социальном партнерстве, профсоюзах и др. Однако, следует заметить, что с момента принятия Трудового кодекса РФ ст. 133 о соответствии МРОТ величине прожиточного минимума ни разу не была реализована. В связи с этим говорить о «справедливом доходе работников» в государстве пока преждевременно. Так, с января 2015 года МРОТ на территории РФ установлен 5965 рублей, что составляет всего 72,2 % от прожиточного минимума. Правительством РФ поставлена задача уровнять их к 2018 году.[5] В третьем квартале 2014 г. прожиточный минимум в РФ уже составлял 8086 руб. в расчете на душу населения, например, в Курской области в расчете на душу населения - 6625 руб.; для трудоспособного населения - 7148 руб.[6] Напрашивается вопрос, что может позволить себе работник, получающий такую заработную плату и обеспечивает ли он себе и своей семье «достойную» жизнь в рамках рассмотренной концепции, которую поддерживает государство? Тем самым декларирование норм права не реализуется на практике.

Список использованной литературы:

1. Всеобщей декларация прав человека // «Российская газета» № 65, 5.04.1995.
2. Доклад Генерального директора Международного бюро труда на 87-й сессии Международной конференции труда. // Женева, июнь, 1999г.
3. Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ на 2014 - 2016 гг.// «Российская газета» № 295, 30.12.2013.
4. Шебанова А.И. Достойный труд: признаки, содержание и гарантии его обеспечения// СПС Консультант Плюс. 2015.
5. http://god2015.com/novosti-2015/razmer-mrot-v-2015-godu-v-rossii.

6. Постановление Администрации Курской области от 17.10.2014 № 660-па // СПС Консультант Плюс. 2015.

© О.Л. Вербина, 2015

УДК 34

Р.В. Герб
Аспирант кафедры конституционного и муниципального права
Тюменский государственный университет
г. Тюмень, Российская Федерация

О ПРАКТИКЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ВОПРОСА СОЗДАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПАЛАТ (СОВЕТОВ) В УСТАВАХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 21.07.2014 № 212-ФЗ «ОБ ОСНОВАХ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

В связи с огромным значением института общественного контроля за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, введенного Федеральным законом от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее - Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ) [1] и вопросами по реализации его отдельных полномочий, возникающих на практике у органов местного самоуправления, автором был проведен правовой анализ положений указанного федерального нормтаивного правового акта на предмет необходимости внесения изменений в уставы муниципальных образований, предусматривающих включение общественной палаты в перечень совещательных органов, которые могут создаваться при исполнительно – распорядительном органе муниципального оюразования (местной администрации), а также дополнения уставов муниципальных образований нормой, относящей общесвенную палату к одной из форм участия населения в осуществлении местного самоуправления.

Создание общественной палаты (совета) муниципального образования и общественных советов при органах местного самоуправления предусмотрено стататьями 12, 13 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ.

Согласно статье 12 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ общественные палаты (советы) муниципальных образований осуществляют общественный контроль в порядке, установленном муниципальным нормативным правовым актом о соответствующей общественной палате. Таким образом, установление правового регулирования осуществления общественной палатой (советом) муниципального образования общественного контроля является для органа местного самоуправления обязательным. Следовательно, имеется необходмость установления правового регулирования по указанному вопросу муниципальным нормативным правовым актом.

Вместе с тем, частью 3 статьи 13 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ предусмотрена возможность создания общественных советов при органах местного самоуправления, которые выполняют консультативно – совещательные функции и участвуют в осуществлении общественного контроля. Порядок и формы участия в

осуществлении общественного контроля общественными советами устанавливаются положениями об общественных советах, а следовательно муниципальным правовым актом.

Исходя из вышеуказанного, можно сделать вывод о том, что общественные палаты (советы) муниципального образования, предусмотренные статьей 12 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ и общественные советы, создание которых предусмотрено статьей 13 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ - разные органы. Общественная палата (совет) муниципального образования создается для непосредственного осуществления общетсвенного контроля, а общественный совет при органе местного самоуправления является коллегиально – совещательным и может создаваться лишь для участия в осуществлении общественного контроля при органах местного самоуправления.

Ввиду вышеизложенного, следует проанализировать сложившуюся практику установления правового регулирования порядка осуществления общественного контроля общественными палатами (советами) муниципального образования, порядка и форм участия в осуществлении общественного контроля общественными советами при органах местного самоуправления в муниципальных образованиях.

В первую очередь были проанализированы Уставы муниципальных образований, в которых имеются статьи, посвященные общественным палатам: Устав города Кургана [3] (статья 19-2, введена решением Курганской городской Думы от 22.01.2014 № 1 «О внесении изменений и дополнений в Устав муниципального образования города Кургана»), Устав города Липецка [6] (статья 40.1, введена решением Липецкого городского Совета депутатов от 27.11.2008 № 917 «О внесении изменений в Устав города Липецка»), Устав города Екатеринбурга [4] (статья 23-1, введена Решением Екатеринбургской городской Думы от 12.10.2010 № 62/29 «О внесении изменений в Устав муниципального образования «Город Екатеринбург»). Однако, указанными статьями Уставы муниципальных образований были дополнены до вступления в силу Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ. По итогам проведенного анализа было установлено, что положения об общественных палатах, предусмотренных в указанных уставах муниципальных образований не отвечают целям, установленным Федеральным законом от 21.07.2014 № 212-ФЗ, а именно – они не созданы для осуществления общественного контроля.

В Уставе города Омска [2], Уставе города Иркутска [9], Уставе города Барнаула [10] отсутствуют отдельные статьи, регламентирующие порядок осуществления общественного контроля общественными палатами (советами), а также порядок и формы участия в осуществлении общественного контроля общественными советами. Однако, в указанных Уставах муниципальных образований предусмотрена возможность создания совещательных органов при органах местного самоуправления.

Несмотря на отсутствие регулирования порядка осуществления общественного контроля общественными палатами (советами) муниципального образования, а также порядка и форм участия в осуществлении общественного контроля общественными советами при органах местного самоуправления в Уставах муниципальный образований, в указанных городах приняты и действуют Положения об общетсвенных палатах, утвержденные актами исполнительно – распорядительного органа местного самоуправления, а также главой исполнительно – распорядительного органа местного самоуправления, что по мнению автора отвечаест требованиям действующего законодательства.

В Уставе города Тюмени [8], Уставе города Ханты – Манскийска [11], Уставе города Сургута [7], Уставе города Салехарда [5] также отсутствуют отдельные статьи, регламентирующие порядок осуществления общественного контроля общественными палатами (советами), а также порядок и формы участия в осуществлении общественного

контроля общественными советами. В указанных Уставах муниципальных образований имеются статьи, устанавливающие возможность участия в осуществлении местного самоуправления в других формах, не противоречащих Конституции Российской Федерации, федеральным законам, законам субъекта РФ, а также предусматривается возможность создания общественно-консультативных, научно - методических экспертных и иных **советов**.

На основании проведенного правового анализа Уставов муниципальных образований можно сделать вывод о том, что закреплять в Уставе муниципального образования положения, регламентирующие правовое регулирование порядка осуществления общественного контроля общественными палатами (советами) муниципальных образований, а также порядок и формы участия в осуществлении общественного контроля общественными советами при органах местного самоуправления не требуется.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // «Российская газета», № 163, 23.07.2014.
2. Решение Омского городского Совета от 20.09.1995 № 92 (ред. от 18.06.2014) «Об Уставе города Омска» // «Вечерний Омск», № 200, 28.09.1995.
3. Решение Курганской городской Думы от 28.02.2005 № 38 (ред. от 24.06.2014) «Об Уставе муниципального образования города Кургана» (Зарегистрировано в ГУ Минюста РФ по Уральскому федеральному округу 17.11.2005 № RU453010002005001) // «Курган и курганцы», № 133, 24.11.2005.
4. Решение Екатеринбургской городской Думы от 30.06.2005 № 8/1 (ред. от 08.04.2014) «О принятии Устава муниципального образования город Екатеринбург» (Зарегистрировано в ГУ Минюста РФ по Уральскому федеральному округу 27.10.2005 № RU663020002005023) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2014) // «Вестник Екатеринбургской городской Думы», 15.07.2005, № 95.
5. Устав муниципального образования город Салехард (принят на референдуме жителями МО город Салехард 16.03.1997) (ред. от 24.10.2014) (Зарегистрировано в Управлении Минюста России по Ямало-Ненецкому автономному округу 08.05.2009 № RU893060002009001) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2015) // "Полярный круг", спецвыпуск № 15, 12.04.2001.
6. Устав города Липецка (принят решением Липецкого городского Совета депутатов от 25.12.2004 № 539) (ред. от 28.09.2010, с изм. от 23.12.2014) (Зарегистрировано в ГУ Минюста России по Центральному федеральному округу 14.11.2005 № RU483200002005001) // «Огни Липецка», № 7, 15.06.2005.
7. Устав городского округа город Сургут Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (принят решением Сургутской городской Думы от 18.02.2005 № 425-III ГД) (ред. от 27.05.2014) (Зарегистрировано в ГУ Минюста РФ по Уральскому федеральному округу 17.11.2005 № RU863100002005003) // «Сургутские ведомости», № 12, 28.03.2005.
8. Устав муниципального образования городской округ город Тюмень (Устав города Тюмени) (принят решением Тюменской городской Думы от 16.03.2005 № 162) (ред. от 27.03.2014) (Зарегистрировано в ГУ Минюста РФ по Уральскому федеральному округу 19.07.2007 № RU723040002007001) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2014)// «Тюменский курьер», № 34, 19.03.2005.

9. Устав города Иркутска (принят решением ГД г. Иркутска от 20.05.2004 № 003-20 - 430537/4) (ред. от 28.11.2014) (с изм. и доп., вступившими в силу с 01.01.2015)// «Ведомости органов городского самоуправления г. Иркутска», 2004, II квартал, с. 11.

10. Устав городского округа - города Барнаула Алтайского края (принят Решением Барнаульской городской Думы от 20.06.2008 № 789 (ред. от 28.11.2014) (Зарегистрировано в Управлении Минюста России по Сибирскому Федеральному округу 03.07.2008 № RU223020002008046) // «Вечерний Барнаул», № 103, 15.07.2008.

11. Устав города Ханты-Мансийска (принят решением Думы города Ханты-Мансийска от 11.03.2011 № 1169) (ред. от 29.09.2014) (Зарегистрировано в Управлении Минюста РФ по Ханты-Мансийскому автономному округу - Югре 31.03.2011 № RU863120002011002) // «Самарово-Ханты-Мансийск», №14, 07.04.2011 (опубликован с информацией о регистрации).

© Р.В. Герб, 2015

УДК 347.421

Р.А. Евтых
аспирант юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет
г. Краснодар, Российская Федерация

СРОКИ В СОВЕТСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

По свое правовой природе, сроки в гражданском праве относятся к категории юридических фактов, которые именуются событиями. Подтверждается это тем, что наступление сроков носит объективный, не зависящий от воли субъектов гражданского права характер. Есть и иной взгляд, подчеркивающий достоверную природу сроков, высказанный Т.Г. Петрухиной. Будучи волевыми по моменту возникновения, сроки несут на себе отпечаток объективного течения времени. Таким образом, по мнению Т.Г. Петрухиной юридические сроки представляют собой особую категорию юридических фактов, которые не могут быть отнесены ни к событиям, ни к действиям [4, с. 60].

Мы можем сделать определенный вывод, что с наступлением или истечением срока закон связывает возникновение, изменение или прекращение имущественных прав и обязанностей. В частности можно привести пример, что только по достижении совершеннолетнего возраста гражданин может совершать любые сделки и участвовать в обязательственных отношениях. А, такие конституционные права, как право на жизнь, честь и доброе имя возникают с момента рождения.

Сроки в праве Гражданском имеют свои особенности, по сравнению с другими отраслями права. Так, в гражданском праве сроки упорядочивают оборот, содействуют выполнению договоров и повышают их роль. На защиту нарушенных гражданских прав законодателем так же отводится определенный промежуток времени.

Исходя из изложенного, можем сделать определенный вывод, что под сроком в гражданском праве понимается промежуток времени, в течение которого осуществляются и защищаются права и исполняются обязанности, или момент времени, с наступлением которого связано возникновение, изменение и прекращение прав и обязанностей.

Важным так же является вопрос преемственности в вопросах о сроках в гражданском праве. В частности, между советским гражданским правом и современным этапом

развития. Следует отметить, что подходы к исчислению и определению сроков, установленные в законодательстве советского периода были сохранены и получили развитие в действующем Гражданском кодекса [1], часть первая которого содержит более 150 норм связанных с гражданско-правовыми сроками.

Следует так же отметить, что в советском гражданском праве значительное число сроков устанавливалось в подзаконных актах, в том числе административных и административно-плановых, а так же в соглашениях между участниками гражданских правоотношений, а так же теми же самыми органами, которые рассматривали гражданско-правовые споры.

Назначение сроков в советском гражданском праве было различным. Так, ими определялось время возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей, предоставляли участникам гражданских правоотношений необходимое время для защиты нарушенных прав. Существовали так же и различные последствия, которые напрямую связывались с истечением тех или иных сроков. Например, наследник лишался права на наследство, если срок принятия наследства был пропущен, неуплата в установленный срок нанимателем платы за пользование квартирой влекло наложение пени. Так же существовали сроки исковой давности, по истечению которых лицу отказывалось в защите его прав.

Таким образом, наступление того или иного срока в советском гражданском праве влекло за собой определенные юридические последствия. Поэтому как в российском, так и в советском праве в гражданско-правовой литературе срок рассматривался как юридический факт или как элемент фактического состава, с которым связано наступление определенных правовых последствий.

В зависимости от воли субъекта их подразделяют на юридические события и юридические действия.

События в свою очередь не зависят от воли субъекта, а действия, напротив, возникают в результате волевой деятельности человека. В советском праве истечение определенного срока в основном относилось к юридическим событиям.

Однако юридические события, связанные с волей и деятельностью людей могут быть различны. В некоторых случаях событие возникает в результате волевых действий правонарушителя, в некоторых в результате стихийной силы. Но и в том и в ином случае событие будет не связано с волей участников гражданского правоотношениях. В связи с этим, считаем интересным привести мнение советского ученого цивилиста – О.С. Иоффе «…события носят не волевой характер в своем процессе, независимо от причин их возникновения, тогда как действия являются волевыми не только в своей причине, но и в своем процессе [2, с. 120].

В дальнейшем О.А. Красавчиков предложил различать два вида юридических событий на абсолютные и относительные. Под относительными он предложил понимать явления, вызванные деятельностью человека, но проявляющие свое действие впоследствии. К абсолютным О.А. Красавчиков отнес явления, которые не были обусловлены в своем возникновении человеческой деятельностью[3, с. 166]. Ученый считал, что в ряде случаев деятельность людей может не только отодвинуть, но и прекратить наступление определенных событий. И поэтому данные факты О.А. Красавчиков так же относил к абсолютным юридическим фактам. Данное утверждение является весьма спорным и, скорее, продиктовано веянием времени проводимого исследования.

Определенно внимание советских цивилистов привлекло соотношение таких понятий, как время и срок.

Были сделаны выводы, что срок есть лишь момент времени и соотносится со временем как общее и частное. Юридическое значение имеет лишь истечение определенных сроков.

Причем даже в тех случаях, когда срок точно не возможно определить. Однако, если срок уже установлен и при наступлении определенных законом или договором обязательства начал течь, то его течение не зависело от воли людей. Но, несмотря на это волей людей данный срок может быть приостановлен, а так же восстановлен.

Таким образом, истечение определенного срока нельзя отнести ни к абсолютным юридическим событиям, которые имеют место помимо поли людей, ни к относительным, которые в своем возникновении носят волевой характер, но в последующем осуществляются независимо. Но и к юридическим действиям истечение определенного срока отнести нельзя.

В советском гражданском праве сроки различались так же по характеру определения в законе, административно-плановом акте, договоре.

Большое значение имело деление сроков на императивные и диспозитивные. К императивным относились сроки исковой давности, претензионные сроки. Диспозитивные могли регулироваться самими участниками правоотношений. В зависимости от вида срока при данном делении, устанавливается предел самостоятельности участников правоотношения.

Так же советское гражданское право разделяло определенные и неопределенные сроки. Определенные подлежали точному исчислению, а неопределенные устанавливались путем указания приблизительных моментов времени, зависящих от действий той или иной стороны. Так, закон оперировал такими понятиями как «своевременно», «немедленно», «без промедления» и другие.

Определенные сроки способствовали большей четкости в осуществлении гражданских прав и обязанностей и потом устанавливались в подавляющем большинстве правоотношений. Однако в таких случаях, как договор подряда и иных работ не всегда возможно предусмотреть течение некоторых сроков заранее, ввиду чего устанавливался неопределенный срок. Подобное деление сроков являлось важным с практической точки зрения и определяло момент, с которого одна из сторон была вправе требовать от другой стороны совершения определенных действий.

Делились сроки так же на общие и специальные. Общий срок для обращения в суд для граждан составлял, как и сейчас, три года, а по обращениям организаций – один год. Это были общие сроки. Однако существовали и специальные сроки. Например, шесть месяцев по взысканию неустойки.

Таким образом, сроки в советском праве различались не только по характеру их определения в законе, административно-плановом акте или договоре, но так же и целям для которых они устанавливались.

Важным являлось деление сроков на сроки осуществления гражданских прав и на сроки защиты. Первые были предусмотрены для возможного исполнения принятых обязательств, а вторые для возможной защиты не выполненных или недобросовестно выполненных обязанностей.

Для сроков осуществления гражданских прав устанавливалось их деление на сроки существования данного субъективного права, пресекательные сроки, гарантийные сроки и претензионные сроки.

Сроки для защиты нарушенных прав фактически представляли из себя сроки исковой давности.

Таким образом, поводя определенные итоги рассматриваемому вопросу, можно сделать вывод о том, что многие положения и учения о сроках, их видах и особенностях применения, которые действуют в настоящее время в Российской Федерации были заложены советскими учеными цивилистами и были отражены в советском

законодательстве. Преемственность юридических положений касательно сроков в гражданском праве является важным этапом реформирования и становления современной правовой системы в Российской Федерации.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ.
2. Иоффе. О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ленинград. 1949.
3. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М. 1958.
4. Петрухина Т.Г. Сроки в гражданском праве. // Право и экономика. 2006. № 5.

© Р.А. Евтых, 2015

УДК 340.12

И.В. Ершова
Доцент кафедры теории и истории государства и права
Юридический институт
САФУ им. М.В. Ломоносова
г. Архангельск, Российская Федерация

ГЕГЕЛЕВСКОЕ ПОНИМАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НЕМ

В юридической литературе сложилось представление о том, что гражданское общество- это плюралистическая, многоуровневая, сложно структурированная, саморазвивающаяся система, затрагивающая все сферы жизнедеятельности общества, в которой индивиды реализуют свои частные интересы. Идея гражданского общества заключается в том, что это сфера негосударственного бытия свободных индивидов. Сущностью гражданского общества является установление свободы индивида.

Г. В.Ф. Гегель представил в своем определении гражданского общества модель, которая была заложена в основы многих теорий, объясняющих суть гражданского общества. «Гражданское общество есть дифференция, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства» [3, с.227]. В рамках гражданского общества каждый индивид предстает как цель. Однако Гегель подчеркивал, что без соотношения с другими индивидами он не может достигнуть своих целей во всем их объеме. Указывается, что это особенная цель посредством соотношения с другими придает себе форму всеобщего и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем стремление других к благу [3, с.227].

Гражданское общество, по мнению Гегеля, может быть создано лишь в современном мире, под которым понимается европейское буржуазное общество. Соответственно, Гегель предлагает в качестве базиса наличие развитого государства. В контексте гражданского общества подчеркивается взаимосвязь экономической, политической и социальных сфер и их диалектическая связь с государством. Однако в концепции гражданского общества по Гегелю еще не предполагается достижение подлинной свободы граждан.

Гегель представляет сущность гражданского общества в следующих трех аспектах:

«1) опосредованно потребности и удовлетворения единичного посредством его труда и посредством труда и удовлетворения всех остальных, систему потребностей;

2) действительность содержащегося в этом всеобщем свободы, защиты собственности посредством правосудия;

3) забота о предотвращении остающейся в этих системах случайности и внимание к особенному интересу как к общему с помощью полиции и корпораций» [3, с.232].

Этой триадой Гегель подчеркивает роль труда индивидов, хорошо функционирующую систему правосудия, слаженную деятельность полиции и корпораций.

Как справедливо подчеркивает В.Н. Сагатовский, этапами развития общества являются семья, гражданское общество и государство [7, с.243].

Семья, в трактовке Г.Гегеля, есть прежде всего субстанциальное целое. Однако гражданское общество разрывает эту связь индивидов, признает их самостоятельными лицами. Так индивид становится сыном гражданского общества, которое предъявляет к нему в такой же мере требования, как он свои права по отношению к нему [3, с.267]. В гражданском обществе семья, по мнению Г.Гегеля, – нечто подчиненное и служит лишь основой. В свою очередь, гражданское общество представляет собой могучую силу, которая завладевает человеком, требует от него, чтобы он на него работал, был всем только посредством его и делал все только посредством его. Гражданское общество должно защищать своего члена, отстаивать его права, а индивид, в свою очередь, обязан соблюдать права гражданского общества [3, с.267].

Наряду с семьей, корпорация составляет второй существенный в гражданском обществе нравственный корень государства. Индивид, заботясь в гражданском обществе о себе, действует также на пользу другим. Однако этой неосознанной необходимости недостаточно: осознанной и мыслящей нравственностью она становится только в корпорации [3, с.276].

Государство есть всеобщее первое, внутри которого семья развивается в гражданское общество, и сама идея государства распадается на эти два момента; в развитии гражданского общества нравственная субстанция обретает свою бесконечную форму, которая содержит в себе два момента [3, с.277].

Таким образом, Гегель сделал очень важное замечание по поводу гражданского общества, выделив его из сферы государства, обозначив диалектическую связь между различными сферами и представив в качестве самостоятельной структурной единицы семью и отдельного индивида в частности.

Позиция дифференциации гражданского общества от государства, обоснованная Г.Гегелем нашла свое отображение в рассуждениях А.М. Либмана. По его мнению, гражданское общество имеет следующие критерии: спонтанная самоорганизация общества, направленной на воздействие на политические решения государства, но не являющейся интегральной частью политической системы. Первый критерий позволяет отделить гражданское общество от разнообразных централизованных структур, создающихся государством. Второй критерий направлен на отсеивание спонтанных сообществ, существующих вне связей с государством и не пытающихся воздействовать на политику. Третий критерий позволяет исключить организации, ставшие неотъемлемой частью политического механизма принятия решений и, следовательно, утратившие четкие признаки самоорганизации [4, с.119].

Валентий А.А. под гражданским обществом понимает систему обеспечения жизнедеятельности социальной, социокультурной и духовной сфер, их воспроизводства и передачи от поколения к поколению; система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, в задачу которых входит обеспечение условий для самореализации отдельных индивидов, удовлетворения частных

индивидуальных или коллективных интересов и потребностей. Интересы и потребности выражаются через такие институты гражданского общества, как семья, церковь, система образования, научные, профессиональные и иные объединения, ассоциации и организации [1, с.26]. В основе данного определения как раз и заложена классическая идея Гегеля о разграничении семьи, гражданского общества и государства.

Современное гражданское общество основано на экономической, политической, правовой, социокультурной, идеологической основе, предполагающей определенную свободу граждан.

Так, экономическая свобода определяется неприкосновенностью частной собственности гражданина. По мнению Ю.Г. Павленко, основными субъектами современного государства являются власть, бизнес и гражданское общество. От взаимодействия данных субъектов зависит состояние и динамика развития государства, включая его материальную основу – экономику, а также весь комплекс экономических отношений, как на макро- так и на микроуровне [4, с.212].

Необходимость гражданского общества связана с тем, что общество может устойчиво развиваться, если его элементы структурно организованы и по вертикали, и по горизонтали, когда оно сильно государством и гражданским основанием [4, с.213].

В политико – правовой сфере гражданская свобода выражена в политическом плюрализме, законодательстве, построенном на принципах демократизма, гуманизма и справедливости, закрепляющем и гарантирующем права и свободы человека и гражданина; в возможности управления государством посредством членства в общественных союзах, политических организациях, организациях с незначительным политическим аспектом, таких как профсоюзы, общества (кружки) по интересам. Интересной представляется позиция А.Я. Рубинштейна по поводу взаимообусловленности общественных и частных интересов на базе гражданского общества. Автор исходит из того, что политические решения формируются в процессе работы парламента, который настолько демократичен, насколько демократична политическая система в целом. На этом поле и генерируется общественный выбор, который лишь до некоторой степени отражает интересы различных общественных групп и обусловлен во многом имеющимися институтами гражданского общества [4, с.30].

Свободу на социокультурном уровне Л.Ю. Грудцына связывает, например, с ликвидацией сословных привилегий и возрастание значения человеческой личности, человека, который превращается из подданного в гражданина с равными для всех юридическими правами. В этих условиях поведение человека определяется его собственными интересами и на него ложится ответственность за все его действия. Такая личность превыше всего ставит собственную свободу, уважая и законные интересы других людей [5, с.78]. Представляются интересными размышления И.В. Винюковой, обосновывающей правовую составляющую гражданского общества, которая указывает, что «с одной стороны, в условиях гражданского общества свобода и справедливость представляют собой социальный характер, нормирующий деятельность людей, коллективов и организаций. С другой, человек, как член гражданского общества обретает свободу в результате своей способности подчиняться нормативным требованиям свободы как осознанной необходимости». И.В. Винюкова подчеркивает, что «внешней формой выражения свободы личности являются различные социальные нормы (традиции, обычаи, моральные, религиозные, правовые нормы и др.),

определяющие границы свободы, но в наиболее важных областях, имеющих повышенную значимость для человека и общества, меру свободы представляет само государство. И делается это при помощи норм права, законов»[2, с.158].

Свобода в идеологической сфере заключается в свободном выборе взглядов, ценностных ориентаций, идей, установок, в которых отражается отношение индивидов к гражданскому обществу. Как верно подчеркивает С.Г. Кирдина, в исследованиях гражданского общества роль идеологии проявляется наиболее ярко. Идеология не только задает направление анализа, но и сама определяет характер основных идеологических установок, или ценностей, формирует содержание понятия гражданского общества и делает его характерной идеологемой западного общества, носителем соответствующих ему базовых ценностей [4, с.45].

Гражданское общество подразумевает взаимную ответственность между непосредственно государством и гражданами. Как указывается в Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, государственная политика осуществляется в отношении многонационального народа Российской Федерации, отдельных социальных групп и каждого её гражданина [6]. Особое внимание уделяется формированию правосознания и правовой грамотности подрастающего поколения.

В заключении отметим, что представляется важным обращение к теоретическому опыту прошлых поколений классических ученых, которые заложили теоретические основы и раскрыли сущность рассматриваемого феномена. Изучив классическую модель гражданского общества по Г. Гегелю, становится очевидным и его сегодняшнее понимание. Гражданское общество есть неполитическая сфера общества, дифференцированная от государства. В рамках гражданского общества индивиды свободно реализуют свои частные интересы, объединяясь в социальные общности, группы по интересам. Они представляют собой взаимодействие свободных членов общества, потому можно утверждать, что гражданское общество является также и саморегулирующейся системой, состоящей из множества согласованных друг с другом элементов. Приоритетом в гражданском обществе является самореализация личности с набором ее определенных прав, свобод и обязанностей.

Список использованной литературы

1. Валентий А.А. Соотношение понятий «гражданское общество» и «правовое государство» // Современное право № 10,2009.С.24 – 27.
2. Винюкова И.В. Правовой характер взаимоотношений государства и гражданского общества //Правовая политика и правовая жизнь, №1, 2006. С.157 -160.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524с.
4. Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика/ под ред. А.Е. Лебедева, А.Я. Рубинштейна. СПб.: Алатея, 2011. 348 с.
5. Грудцына Л.Ю. Исторические особенности возникновения гражданского общества в России //Законодательство. Экономика, №6, 2009.С.78- 86.
6. Основы государственной политики РФ в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан http://www.kremlin.ru/news/11139 (дата обращения 17.02.2015).
7. Сагатовский В.Н. Гражданское общество в философии Гегеля и Маркса // Человек. Государство. Глобализация. Сборник философских статей,2005.С. 238- 259.

© И.В. Ершова, 2015

УДК 343.21

Е.А. Желонкина
Старший преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
Уральского юридического института МВД России
г. Екатеринбург, Российская Федерация

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: АРГУМЕНТЫ «ЗА» И «ПРОТИВ»

Последователи теории административной преюдиции в уголовном праве оперируют тем, что административная преюдиция при ее грамотном использовании может стать эффективным средством противодействия преступности. Возрождение данного института в условиях современной действительности будет способствовать достижению следующих основных результатов: снимет значительное число вопросов правоприменительного плана, связанных с оценкой преступных последствий в виде имущественного ущерба как необходимого условия уголовной ответственности, в большинстве случаев – совершения преступлений экономической направленности; обеспечит соответствие действующего уголовного законодательства таким специальным принципам, как экономия мер уголовной репрессии и целесообразность; исключит случаи объективного вменения, когда у виновного отсутствует предвидение указанных в законе последствий в виде причиненного имущественного ущерба гражданам или государству [4, с. 2].

Высказанные авторами аргументы в пользу административной преюдиции представляются спорными по двум серьезным основаниям. Во-первых, «экономия мер уголовной репрессии» и «целесообразность в уголовном праве», представленные как принципы в уголовном праве отсутствуют. В соответствии с логикой уголовно-правовых принципов правоисполнитель может и должен быть обязан к определенному поведению в любом объеме, необходимом для обеспечения уголовно-правовых задач. Во-вторых, остается неясным, каким образом административная преюдиция исключит случаи объективного вменения, когда у виновного отсутствует предвидение указанных в законе последствий в виде причиненного имущественного ущерба гражданам или государству. Привлечение лица к уголовной ответственности даже в случаях использования механизма административной преюдиции так или иначе требует установления умышленной формы вины, предполагающей предвидение лицом наступления соответствующих последствий.

Несколько в ином ключе отстаивает институт административной преюдиции в уголовном праве В.П. Малков, считая ее средством декриминализации и криминализации в уголовном праве. Использование административной и дисциплинарной преюдиции, а также других форм повторности является особым средством сдерживания расширения уголовно-правового принуждения и противодействия преступности. При использовании же во время криминализации соответствующего правонарушения административной или дисциплинарной преюдиции либо повторности деяния возможность уголовно-правового принуждения откладывается; под воздействием менее острых средств принуждения правонарушитель может пересмотреть свое поведение и не допустить впредь такого же правонарушения [5, с. 61].

Однако и в содержании данных суждений в свое время усмотрел слабое место М.И Ковалев. Он справедливо настаивал на том, что повторность проступка не в состоянии превратить его в качественно новое явление, требующее не административно-правового, а уголовно-правового реагирования. В противном случае это противоречило бы принципу

построения правовой системы, согласно которому разграничение различных правонарушений производится по предмету действия соответствующих отраслей, а не по признакам субъектов правонарушений [7, с. 11-12]. Важное уточнение М.И Ковалева о том, что административная преюдиция по существу является обстоятельством, характеризующим личность правонарушителя, разделяется и другими учеными.

Административная преюдиция фактически перекладывает вредоносность ранее совершенного административного правонарушения, по которому лицо уже привлекалось к ответственности, на вновь совершенное аналогичное деяние. Другими словами административная преюдиция предлагает констатировать одно преступление из совокупности деяний уже после того, как лицо понесло ответственность за одно из таких деяний.

В защиту административной преюдиции в уголовном праве свой аргумент высказывает А.Г. Безверхова, отмечая, что «проблема административной преюдициальности носит комплексный характер и привязана к более общей проблематики о превенции преступлений и иных правонарушений… Административное наказание рассматривается в данном случае как правовое средство борьбы не только с административными правонарушениями, но и с преступлениями. Ведь лицо, совершившее административное нарушение и подвергнутое за это административно-правовому воздействию, тем самым предупреждается о возможном его привлечении к уголовной ответственности в случае совершения им еще одного такого же нарушения» [9, с. 40].

В этой связи встает резонный вопрос о разграничении смежных межотраслевых составов. Как правило, критериями такого разграничения становятся объект правонарушения, степень общественной опасности, размер причиненного вреда, способ совершения, мотив или цель.

Одно из ключевых противоречий административной преюдиции кроется в понимании общественной опасности преступления, состав которого сконструирован с использованием механизма обозначенного правового института. Административная преюдиция предполагает возможность привлечения к уголовной ответственности за совершение двух однородных поступков, когда имеется предварительная административно-правовая оценка первого из них, без которой нет общественной опасности содеянного в целом. Подобное умозаключение позволяет утверждать, что общественная опасность соответствующего преступления имеет место только при совершении двух деяний. Обособлено одно из таких деяний по логике административной преюдиции общественной опасностью не характеризуется. Однако совершенно очевидно, что вредоносность тождественных деяний отличаться не может.

Рассуждая о степени общественной опасности преступления как об осознанной готовности лица посягать на охраняемые уголовным законом объекты, можно сделать вывод, что в анализируемой модели преступления она свойственна только последнему из совершенных тождественных деяний. По смыслу административной преюдиции без привлечения лица к административной ответственности за первое деяние оно не в состоянии понять характер опасности определенного деяния и поэтому не демонстрирует готовности совершить его в качестве именно общественно опасного.

В соответствии с уголовно-правовой логикой вменяемый человек, достигший возраста уголовной ответственности, должен постигать общественную опасность деяния самостоятельно. Общественная опасность преступления должна быть понятна для правоисполнителя независимо от того, совершал он ранее аналогичные деяния или нет.

Таким образом, институт административной преюдиции обладает недостатками, выраженными в социальной и уголовно-правовой сферах. В социальном контексте

административная преюдиция искусственно принижает способности современного человека познавать общественную опасность соответствующего деяния без предварительного административно-правового упрека. С позиции уголовного права административная преюдиция становится барьером для прямого уголовно-правового воздействия на сознание и волю правоисполнителя, обязанного воздерживаться от совершения преступления.

Список использованной литературы:

1 Головизнина И.А. Проблема двусмысленности термина «неоднократность», содержащегося в ст.180 УК РФ, и пути ее преодоления // Российский следователь. - №11. - 2006.

2 Грунтов И.О. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Минск, 1985. С. 7, 12.

3 Лопаенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 68.

4 Бавсун М.В.,Бавсун И.Г., Тион И.А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 2.

5 Малков В.П. Административная преюдиция: за и против // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3 (23). С. 61.

6 Малков В.П. Административная и дисциплинарная преюдиции как средства декриминализации и криминализации в уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 195–198.

7 Ковалев М.И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1982, С. 11–12.

8 Ямашева Е.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. - №10. - 2009.

9 Безверхов А.Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Право». 2011. № 2 (10). С. 40.

© Е.А. Желонкина, 2015

УДК-001.4

Л.Г. Зимовец, Д.филос.н., доцент
Кафедра лингвистики и международного права;
Т.Н.Матвеева, К.псхл.н доцент
Кафедра социальной работы, рекламы и социального права
А.И.Пушкарь, К.филос.н. доцент
Кафедра лингвистики и международного права
Филиал Российского государственного социального университета в г. Сочи
Российская Федерация

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: PRO ET CONTRA

В России в связи с этим, по мнению Ильина, возможно либо единовластие, либо хаос. Бытие России требует единовластия - или религиозно или национально укрепленного

единовластия чести, верности, служения, т.е. монархии, или же единовластия безбожного, бессовестного, т.е. тирании.

В русле традиции западных демократий создаются политические системы, в рамках которых государство и гражданское общество выступают в качестве равноправных партнеров, что закрепляется и в теоретической рефлексии, и в общественном сознании. В подобной ситуации: а) появляется система разнообразных эффективных рычагов влияния гражданского общества на государство; б) гражданское общество посредством частных факторов выступает субъектом строительства государства.

Подобное представление о соотношении государства и гражданского общества не является для России аутентичным, на практике неизбежно приводит к плачевным результатам. Активно заимствуя западные институты либерального государства, к тому же в их иллюзорно-утопическом варианте, никто не подумал о самой способности России жить по канонам подобной схемы, применяемой на Западе в диаметрально-противоположных координатах – цивилизационных, исторических, экономических, ценностных и т.д.

В России основанием, «доминантной формой социальной интеграции» стала государственность. Государство в России претендует на то, чтобы не просто быть политическим институтом, но и иметь некое духовное значение, генерируя единое национальное самосознание. Поэтому в России не было того универсального нормативно-ценностного порядка, как на Западе, который оказался бы автономным по отношению к государству и культурному многообразию.

Государство в России присвоило себе неограниченные права по отношению к обществу.

Поэтому для российской цивилизации был присущ иной, чем в Западной Европе генотип социального развития.

Все это лишний раз убеждает, что для нас неприемлема идея механического копирования ценностей иной культуры, а также механического перенесения, заимствования европейских стандартов в деле государственного строительства. Необходимо учитывать не только своеобразие культурно-исторического пути России, но и особенность нашего культурного архетипа.

О специфике России, об особенностях ее исторической судьбы много написано.

Н. Лосский, И. Ильин, Н. Бердяев и другие русские философы отмечали своеобразие русской истории и культуры (прерывность, конфликтность, катастрофичность, наличие в ней пяти самостоятельных периодов). Много писали о власти русских пространств над русской душой («Россия ушиблена ширью»), отмечая своеобразное соответствие между «географией душевной» и «географией физической». [1]

Главную же особенность России, наши философы видели в исключительности самой культурно-исторической миссии России, как своеобразного Востока - Запада, как соединительницы двух миров, двух типов культуры: Миссия Россиии быть Востоко-Западом, соединительницей двух миров» [2]

Они были уверены, что на почве буржуазной культуры Россия никогда не будет талантлива. Раскрытие мужественного духа в России не может быть «прививкой к ней серединной западной культуры».

В России и на Западе сформировались разные типы людей, со специфическими присущими им стилями мышления, ценностными ориентациями, манерой поведения (противоположность «мессианского» и «прометеевского» человека).

Гражданскому обществу, вероятно, должна соответствовать духовно-ценностная система определенной парадигмальной направленности, в которую на правах абсолютно значимых ценностей включаются гражданские права и свободы демократической ориентации: личная свобода, справедливость, право собственности, неприкосновенность и безопасность граждан и т.д. На наш взгляд, подобная ценностная система способна адекватно функционировать в обществе, основанном прежде всего на индивидуалистических принципах социального бытия. В России, наоборот, многие аксиологические структуры базируются на принципе коллективизма, являющемся мощным традиционным духовным элементом.

Россия унаследовала от Византии принципы идеократического государства, утверждающего власть идеи, которая противостоит «власти материи», «власти рынка». Эта власть идеи находила воплощение в теории Филофея «Москва — третий Рим», в идеологии официальной народности С.С. Уварова («православие, самодержавие, народность»), в коммунистической идеологии. И в каждом случае власть идеи отвергала западную парадигму общественного бытия, в том числе и устои гражданского общества.

Т.о. глубинные архетипические установки российского менталитета являются, на наш взгляд, основной причиной, тормозящей становление ценностей гражданского общества на всех уровнях общественного сознания, особенно на уровне коллективном.

Культурные ценности Запада подвержены переосмыслению на уровне этнической «памяти» и потому не воспринимаются столь однозначно, как это происходит с миром материальной культуры. Гражданское общество — то же социокультурное явление западного мира, которое может быть воспринято не-Западом, той же Россией лишь в той мере, в какой оно будет накладываться на социокультурную матрицу российского общества. Основными компонентами этой матрицы являются историческая память, этническое самосознание, конфессиональная принадлежность, отношение к природе, к окружающим, традиционные виды хозяйственной деятельности и т. п. Осознание этого — веление времени, диктующее необходимость возрождения России.

И опять же призыв с Запада, даже предупреждение — известного современного геополитика, французского генерала Пьера Галуа:

«Надо объяснить русским людям, что у них своя история, свои победы и поражения, свои традиции и обычаи, что они отличаются от других народов и от своих соседей. Навязывать им чужие устои — абсурд. Запад воображает, будто его образ жизни, организация общества являются образцом, которому все должны следовать. Нет никакой причины соглашаться с этим» [3] Весьма своевременный призыв.

Список использованной литературы:

1.Бердяев Н.А.Судьба России// Судьба России. Самопознание. Р/Дону, 1977 - С.61

2.Бердяев Н.А. Смысл творчества// Философия свободы. Смысл творчества. М.,1989 – С.524

3.Стельмах Т.В., Стельмах С.В. Проблемы становления, развития функционирования государства и права на современном этапе// Актуальные проблемы современной науки: сб-к статей Международной научно-практической конференции(24 января 2015г., г.Уфа), в 2 ч. Ч.2.Ч.2/ Уфа: Аэтерна, 2015.

©Л.Г. Зимовец, Т.Н. Матвеева, А.И. Пушкарь, 2015

УДК 343.9.01

П.Н. Кобец
Главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России г. Москва Российская Федерация
доктор юридических наук, профессор

О ВАЖНОСТИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В настоящий момент процесс профилактики преступности не имеет самостоятельной правовой базы. Правовые нормы, регламентирующие предупредительную деятельность, разбросаны по разным отраслям законодательства и не способствуют консолидации профилактических усилий различных субъектов. Таким образом, реально назрела необходимость в кодификации законодательства о профилактики преступности в виде отдельного кодекса, или федерального закона. В этом документе необходимо предусмотреть регламентацию всей системы предупреждения преступности в целом и по конкретным уровням, перечислить основания для осуществления профилактической деятельности, средства и меры предупредительного воздействия, закрепить компетенцию субъектов профилактики и контроль за их деятельностью [1]. Только уяснение специфики преступности и ее детерминантов в отдельных регионах может придать конкретность профилактическим усилиям правоохранительных органов и общественности, совершенствованию организации их работы [2].

Очевидно, что мы живем в непростое время. Социально-экономическая ситуация в России середины второго десятилетия XXI столетия не простая. Трудностей очень много, и все они рельефно выделяются на усиливающемся криминогенном фоне. В связи с этим перед российскими правоохранительными органами и обществом в целом стоит задача постоянного поиска новых, нетрадиционных, более эффективных форм профилактического воздействия на преступность. Это требует, прежде всего, углубления аналитического подхода к работе по предупреждению преступности, исключительного внимания к выполнению программ борьбы с преступностью в Российской Федерации.

Профилактическая работа, как правило, строится на основе тщательного, всестороннего изучения и анализа причин преступности в целом и отдельных ее видов. Сейчас роль общих мер профилактики преступности в значительной мере меньше роли мер специальной профилактики [3]. Понимая преступность как социальное явления, криминологи идут по пути ее преодоления в плоскости коренных преобразований в обществе, в сфере экономики, социальной жизни, идеологии, воспитания человека. При этом к настоящему времени существенно трансформировалось понимание целей борьбы с преступностью – от признания необходимости искоренения правонарушений к нейтрализации порождаемых преступностью социальных противоречий.

Большинство российских криминологов все больше признают необходимость комплексного планирования мер профилактики преступлений [4]. Предупреждение преступности – задача многоплановая, комплексная, решаемая совокупными усилиями всего общества, всех звеньев его социального организма. Преступность как система, обладающая разноуровневыми характеристиками и детерминированная факторами социального, социально-психологического и индивидуально-психологического порядка, требует для своего изучения использования комплексного подхода. Естественно, и проблемы борьбы с этим социальным явлением должны носить комплексный характер.

Влияние, оказываемое различными факторами социальной действительности на тот или иной вид преступности, многогранно. В криминологической литературе отмечается, что некоторые важные меры недопущения преступлений, устранения причин, их порождающих, не ставят своей непосредственной целью профилактику противоправного поведения. Но, тем не менее, профилактическую функцию по недопущению противоправного поведения они осуществляют опосредованно, и в итоге исследования, проводимые многими криминологами, впоследствии доказали, что в основном влияние того или иного процесса на преступность зависит от полученной комбинации, от характера взаимосвязи факторов, интеграционного их проявления и ряда других условий, что предопределяет построение комплекса мер профилактического воздействия [5].

Криминологами отмечается, что решение задач борьбы с правонарушениями на основе комплексного подхода должно осуществляться применительно к специфическим условиям развития отдельных коллективов, регионов. К сожалению, всеми признаваемая необходимость такого подхода к организации комплексного планирования мер предупреждения правонарушений на практике до сих пор не нашла повсеместного осуществления и реализации. Необходимо также упомянуть, говоря о причинах снижения качества организации борьбы с преступностью в настоящее время, о тенденции переоценки роли специальных субъектов профилактики преступности и естественно, недостаточное использование возможностей иных субъектов профилактики.

В условиях середины второго десятилетия XXI столетия непременным свойством криминологической профилактики преступности многими учеными называется ее комплексный характер. Под комплексным планированием следует понимать систему взаимосвязанных и взаимообусловленных организованных профилактических мер (а не перечень разрозненных мероприятий), с помощью которых обеспечивается достижение поставленных комплексных целей, единство собственно профилактической и организаторской деятельности [6]. Таким образом, под комплексным, системным подходом к проблеме социальной профилактики антиобщественных явлений должен подразумеваться такой, который позволяет выявить ее существенные признаки, разнообразные связи и структурные характеристики. Необходимым качеством всей системы в целом является ее интегративное свойство, обладающее единством теории и практики деятельности.

В настоящее время профилактика преступности должна обязательно строиться на основе определения краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных задач и осуществляться с учетом взаимодействия различных видов деятельности. На основе этих принципов должна функционировать система деятельности по профилактике преступлений в стране, регионах и мелких территориальных составляющих.

Список использованной литературы:

1. Кобец П.Н. Профилактика преступности как сложный, многогранный процесс, в условиях России начала второго десятилетия XXI столетия. Российский следователь. М., 2012. № 20.

2. Кобец П.Н. О совершенствовании государственной системы профилактики правонарушений. Гуманитарные и социально-экономические проблемы развития российского общества. Сборник научных трудов / Под ред. Проф. В.В. Галкина. Вып.2. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издт-во, 2008.

3. Кобец П.Н. О роли государственной системы профилактики преступности в Российской Федерации. Актуальные проблемы гуманитарных наук. Сборник научных трудов / Под ред. Проф. В.В. Галкина. Вып. 2 – Воронеж: ЦНТИ, 2009.

4. Кобец П.Н. О перспективах развития системы профилактики преступности в Российской Федерации. Система профилактики преступности современное состояние, проблемы и перспективы развития: материалы всероссийской науч-прак. конф. Часть 1. Санкт-Петербург, 20-21 октября 2011 гола/ сост.: Л.В. Готчина, Н.А. Корсикова. СПб.: Изд-во СПб МВД России, 2011.

5. Кобец П.Н. О необходимости совершенствования государственной системы профилактики правонарушений в Российской Федерации. Экономика право лингвистика. Научно-практический сборник. Выпуск 3 (№ 19). М.: Объединенная академия образовательных учреждений, 2009.

6. Кобец П.Н. Организационные основы, финансово-экономическое сопровождение и законодательная база государственной системы профилактики правонарушений в Российской Федерации. Актуальные проблемы гуманитарных наук. Сборник научных трудов / Под ред. Проф. В.В. Галкина. Вып. 1 – Воронеж: Центрально-Черно-земное книжное издательство,2008.

© П.Н. Кобец, 2015

УДК 342.72

И.В. Козынкин,
студент
Санкт-Петербургского государственного университета
Д.В. Кириллов,
студент
Санкт-Петербургского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ

Гражданское общество, его члены для своего нормального развития нуждаются в получении информации. По справедливому утверждению профессоров Грудцыной Л.Ю. и Лагуткина А.В., от того, какая информация поступает (продуманно «вбрасывается» государством) в свободный оборот системы гражданского общества, как она обрабатывается и насколько свободно может передаваться между элементами (частями) системы, зависят не только их развитие и направления взаимодействия, но и развитие и изменение всей системы в целом [1].

Взаимодействие граждан с государством по поводу получения информации опосредуются специальными нормативно-правовыми актами. Это Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации", Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации", другие нормативно-правовые акты, а также иные нормы отраслевого законодательства.

Относительная новизна принятых нормативно-правовых актов, повышение общественного интереса к информации как социальной ценности [2], усиление правовой активности граждан в данной сфере создают предпосылки к изучению и обобщению правоприменительной практики, в том числе, и для целей формирования предложений по усовершенствованию правового регулирования в данной сфере.

По результатам анализа судебных решений можно сделать следующие выводы.

1. Суды стремятся соблюдать баланс между правом одного лица на получение информации и правом другого лица на тайну той информации, которую можно отнести к персональным данным.

Так, Московский городской суд в Определении по делу №33-36834 от 26.11.2010 согласился с выводом нижестоящего суда в том, что право на получение информации о нотариусе (в том числе в форме выписки из реестра государственных нотариальных контор и нотариусов, занимающихся частной практикой) имеет некоторое ограничение с точки зрения права нотариуса на защиту персональных данных (ст. 7 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ "О персональных данных"). Так, суд посчитал возможным предоставить информацию о факте наличия у нотариуса соответствующего образования, однако требование заявителя о предоставлении копии диплома о высшем образовании суд не удовлетворил, так как посчитал, что предоставление такой информации без согласия нотариуса будет являться нарушением законодательства о персональных данных.

Соблюдение баланса интересов можно найти и в решении Чертановского районного суда г. Москвы от 17.04.2012 по делу №2-1886/2012. Заявитель требовал предоставления полного текста протокола заседания муниципальной комиссии по охране прав детей, аргументируя это тем, что на данной комиссии рассматривались дело с его участием; ему же была выдана лишь выписка из протокола в части, касающейся рассмотрения его вопроса. Судом было установлено, что помимо дела заявителя на заседании комиссии рассматривались и иные дела с участием других лиц. Суд посчитал, что ознакомление заявителя с полным протоколом заседания нарушало бы интересы других граждан, а потому требования заявителя удовлетворению не подлежат.

В решении Зеленоградского районного суда г. Москвы от 24.06.2011 по делу №2-1624/2011 суд также признает законным и обоснованным отказ управления внутренних дел в предоставлении материалов проверок, основанием для которых явились сообщения самого заявителя, обосновывая это содержанием в таких материалах информации, затрагивающей права, свободы и законные интересы других лиц.

В судебной практике наблюдается тенденция защиты персональных данных при любом подозрении судов на то, что запрашиваемая информация содержит такие данные, однако в ряде решений суды, не соглашаясь с аргументацией органов государственной власти и ОМСУ, приходят к однозначному выводу о том, что распространение запрашиваемых сведений не может повлечь нарушение прав и законных интересов граждан и не повлечет нарушение положений закона, защищающих персональные данные. Кроме того, Судогодский районный суд Владимирской области в решении по делу № 2-298/11 пришел к выводу, что даже при наличии в документах, которые истребует заявитель, персональных данных других лиц возможно ознакомление граждан с необходимой им информацией путем предоставления выписки, касающейся только прав и свобод гражданин, обратившегося в государственный орган или орган местного самоуправления..

2. Нередко встречаются дела по обжалованию гражданами отказа государственных органов в предоставлении информации, содержащей сведения, являющиеся государственной тайной.

В таких случаях суды проверяют, действительно ли запрашиваемая информация содержит сведения, относимые к государственной тайне. Необходимо обратить внимание на процедуру проверки правового режима информации. Суд не может ориентироваться лишь на ответ государственного органа, подтверждающий наличие сведений, составляющих государственную тайну, а должен самостоятельно проверять соответствие сведений, содержащихся в документе, являющимся предметом спора, и сведений, которые

в соответствии с законодательством могут составлять государственную тайну (ст. 5 Закона РФ от 21.07.1993 №5485-I «О государственной тайне»), устанавливать наличие грифа секретности, присвоенного в установленном порядке (Решение Басманного районного суда г. Москвы от 17.12.2010 по делу № 2-3355/10; Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 26.08.2013 № Ф05-10156/13 по делу N А40-129033/2012).

Суды в своих решениях корректно применяют презумпцию, которая содержится в статье 9 Федерального закона от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне», возлагая обязанность на государственный или муниципальный орган, отказавший гражданам в предоставлении информации, доказать тот факт, что запрашиваемая информация содержит государственную или иную охраняемую законом тайну (Решение Судогодского районного суда Владимирской области от 25.04.2011 № 2-298/11).

3. Имеют место быть обращения граждан в суд по факту предоставления информации, полностью не исчерпывающей поставленные в обращении вопросы.

В таких случаях суды проверяют компетенцию органа, сопоставляют содержание данного им ответа с поставленными вопросами (Решение Нагатинского районного суда г. Москвы от 27.03.2012 по делу № 2-1675/2012; Решение Пресненского районного суда г. Москвы от 12.12.2011 по делу №2-5349/2011).

В определенных случаях суды мотивируют отказ в удовлетворении требований истца, которому была предоставлена неполная информация, отсутствием у органов государственной власти и органов местного самоуправления (ОМСУ) необходимой компетенции. Предоставление всей запрашиваемой информации в данных случаях означало бы выход органа за рамки предоставленных ему полномочий (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Владимирского областного суда № 33–3769/2011).

4. Распространены отказы государственных органов и ОМСУ в предоставлении какой-либо информации, основанные на внутренних актах данных органов.

Так, в рассматриваемом Кузьминским районным судом г. Москвы деле №2-1928/2012 об оспаривании отказа СИЗО в предоставлении копий медицинских документов ответчик ссылался на запреты предоставления информации, установленные в ведомственных инструкциях. Суд правомерно отклонил такие доводы ответчика и установил противоречие отказа федеральному законодательству.

5. В тесной связи с предыдущей проблемой стоит проблема организационных ограничений прав на ознакомление с информацией.

В практике встречаются случаи, когда гражданину отказываются направлять определенные оригиналы документов, обосновывая отсутствием обязанности органа производить такое направление и возможностью заявителя лично ознакомиться с таким документом в пределах соответствующего органа.

Так, гражданину органом прокуратуры было отказано в направлении в его адрес надзорного производства. Данный отказ был обжалован в суд. Ответчик указал, что действующее законодательство не обязывает органы государственной власти и должностных лиц, рассматривающих обращение, направлять материалы проверок заявителям и что заявителю предложено ознакомиться с документами, касающимися рассмотрения его обращения. Суд поддержал доводы ответчика (Решение Октябрьского районного суда г. Владимира по делу 2-2804/2010).

В другом случае заявитель обжаловал отказ органа местного самоуправления в выдаче жалобы, затрагивающей его права и свободы (жалоба содержала информацию о его действиях). Суд пришел к выводу, что заявитель имеет право на ознакомление

соответствующей жалобы, но не с ее получением, как того просит заявитель (Решение Ленинского районного суда г. Владимира по делу №2-848/2011).

С одной стороны, такое ограничение по предоставлению документа оправданно: орган, имеющий соответствующие материалы, должен иметь возможность работать с ними, реализуя свою компетенцию (ст. ст. 9, 10 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации").

С другой стороны, для заявителя, являющегося часто не способным юридически правильно сформулировать обращение на получение информации, как правило, важна сама информация, содержащаяся в документах, а не сам документ. Представляется, что заявитель имеет право на ознакомление с определенными документами, оригиналы которых недопустимо изымать из органов, не только в конкретном помещении органа государственной власти или местного самоуправления, но и на ознакомление путем получения копии и (или) выписок из указанных документов. В настоящий же момент сложившееся буквальное толкование создает неоправданные организационные ограничения права на информацию.

6. В связи с указанным выше весьма важной представляется судебная практика, при которой суд оценивает фактическую возможность предоставления информации органом, прямо законом не обязанным предоставить такую информацию

Так, при рассмотрении Хорошевским районным судом г. Москвы дела №2-2965/2012 об обязании отдела военного комиссариата (ОВК) выдать копию решения призывной комиссии, ответчик указывал, что с заявлением о выдаче копии решения призывной комиссии заявителю надлежит обращаться только к председателю призывной комиссии (ч. 6 ст. 28 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»). Однако суд указал, что на момент обращения с заявлением призывные мероприятия были окончены, председатель призывной комиссии свои полномочия не исполнял, в связи с чем у заявителя не было оснований для обращения к нему. Решение призывной комиссии хранится именно в военкомате, и военкомат имел возможность выдать заявителю надлежаще оформленную выписку из решения призывной комиссии. Окончание периода работы призывной комиссии не лишает заявителя права на получение документов, связанных с его призывом. Закон не содержит запрета ОВК выдать копию такого решения призывнику вне периода работы призывной комиссии, ОВК имел полномочия на совершение требуемого действия. Требования заявителя были удовлетворены.

7. Имеют место быть отказы государственных органов и ОМСУ в предоставлении информации на основании того, что запрашиваемые сведения непосредственно не затрагивают права и свободы заявителя.

Оценка того, затрагивает ли информация права и свободы гражданина, носит индивидуальных характер. Например, в решении Басманного районного суда г. Москвы от 02.03.2011 по делу №2-241/2011 суд посчитал, что доводы заявителя о том, что указанные им документы необходимы ему для того, чтобы оспорить их в суде, не являются доказательством нарушения ее прав и свобод; Нагатинский районный суд в решении от 16.02.2012 по делу № 2-597/2012 указал, что информация о санитарно - экологической безопасности окружающей среды в связи с возведением многоэтажного жилого дома в непосредственной близости с домом заявителя права последнего не затрагивает, так как данная постройка расположена на земельном участке, не являющемся смежным с земельным участком заявителя; Ленинский районный суд г. Владимира в решении по делу № 2-3635/2011 пришел к выводу, что информация о передаче земельного участка гражданину и о принадлежности земельного участка, находящегося на праве собственности данному гражданину, требовавшему

перенесения ограждения в глубь участка заявителя, не является информацией, затрагивающей права и законные интересы заявителя. Приведенная судебная практика подтверждает большой объем дискреции судов в отнесении той или иной информации к сведениям, затрагивающим права и свободы граждан.

Таким образом, анализ законодательства, регулирующего право граждан на получение информации, в призме преломления судебной практики позволяет говорить о признанной недопустимости ограничения права на информацию посредством подзаконных конструкций (инструкций, иных ведомственных актов), ограничения права буквальным толкованием норм об обязательном нахождении определенных документов в пределах органа, а также недопустимости порочной практики правоприменителей, которые неурегулированность (отсутствие разрешения или запрета на предоставление информации) вопроса толкуют как запрет на предоставление документов при фактическом их нахождении в органе.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что объем потенциально предоставляемой информации органов объективно ограничен объемом компетенции данного органа.

Остаются проблемными и неразрешенными вопросы взаимодействия норм о праве на информацию с нормами, устанавливающими правовой режим информации, относящейся к персональным данным, государственной тайне и иным тайнам; вопросы критериев отнесения сведений к информации, непосредственно затрагивающей права и свободы граждан. Законодателю и правоприменителям еще предстоит найти ответы на данные вопросы.

Список использованной литературы:

1. Грудцына, Л.Ю., Лагуткин А.В. Роль информации в управлении гражданским обществом: философские и правовые аспекты // Журнал российского права. – 2014. – №10. С. 30 - 38.

2. Сухова, Н.И., Гогузаева, Е.Н. Ценность права на информацию и пути повышения эффективности его реализации // Информационная безопасность регионов. – 2013. №1. С. 115-120.

© И.В. Козынкин, Д.В. Кириллов, 2015

УДК 34

Н.С. Кошкин, студент группы МиЭУП-406
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)
филиал в г. Миасс, Российская Федерация
В.С. Напалков, старший преподаватель кафедры УПД ФЭУП
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)
филиал в г. Миасс, Российская Федерация

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Зарубежные государства с давних пор используют такой институт уголовного процесса как «сделка с правосудием». К примеру, в США процессуалисты выделяют два вида сделок – сделка о признании вины и сделка о сотрудничестве со следствием[12]. В уголовно-процессуальной науке, так называемые сделки с правосудием трактуются не однозначно,

как и учёными, так и правоприменителями. Некоторые, например М.О. Баев, О.Я. Баева видят в этом институте больше негативных явлений[10], а некоторые, смотрят на это с позитивной точки зрения. К примеру, И. Звечаровский справедливо отмечает, что «в отличие от зарубежных аналогов, цель которых – признание вины, достижение согласия в части квалификации и размеров наказания (предусмотренных, в частности, в законодательстве США, Испании, Италии, ФРГ), цель введения института досудебного соглашения о сотрудничестве в России – стимулирование положительных посткриминальных поступков» [11, с. 14].

Федеральным законом № 141-ФЗ от 29 июня 2009 года[4] в Уголовный кодекс РФ[3] (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуальный кодекс РФ[2] (далее – УПК РФ) законодателем был введен новый для российского права институт «досудебное соглашение о сотрудничестве». Таким образом, после первого шага – введения особого порядка судебного разбирательства, идея «сделки с правосудием» в виде досудебного соглашения о сотрудничестве вышла на новый уровень законодательного развития. Институту досудебного соглашения о сотрудничестве в последнее время посвящено великое множество научных публикаций, анализ и разбор которых позволяет вычленить наиболее проблемные вопросы.

Статья 317.1 УПК РФ указывает, что волеизъявление о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве должно исходить от подозреваемого (обвиняемого), который должен в письменном виде подать ходатайство на имя прокурора. Однако в ч. 4 ст. 46 и ч. 4 ст. 47 УПК РФ, устанавливающих права подозреваемых и обвиняемых не указано данное право, которое им предоставляется ст. 317.1 УПК РФ. Исходя из вышесказанного, дознаватель (следователь) при уведомлении о подозрении и при предъявлении обвинений не обязан разъяснить право подозреваемому и обвиняемому на заключение с прокурором досудебного соглашения о сотрудничестве. Однако по справедливому утверждению Е.А. Жуковой и В.Д. Иванова разъяснение таковых (последствий) заключения досудебного соглашения о сотрудничестве уже на первом допросе будет повышать вероятность возникновения у подозреваемого и обвиняемого мотивации к сотрудничеству со следствием и сообщения сведений, способствующих раскрытию и расследованию преступлений[8]. Исходя из вышесказанного, полагаем необходимым дополнить ч. 4 ст. 46 УПК РФ и ч. 4 ст. 47 УПК РФ пунктом, в котором будет отражено право подозреваемого, обвиняемого на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве. Также считаем, что необходимо изменить нормы УПК РФ регулирующие процедуру первого допроса подозреваемого (обвиняемого). В них следует отразить обязанность дознавателя (следователя) разъяснить подозреваемому (обвиняемому) положения ст. 317.1 УПК РФ и выяснить наличие желания у него заключить досудебное соглашение о сотрудничестве. При волеизъявлении такого желания орган предварительного следствия может получить «в свои руки» ценную информацию на первоначальных этапах предварительного следствия.

Еще один не менее важный вопрос, который на данный момент никак не урегулирован в отечественном законодательстве, это вопрос о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым), в случае, если в преступлении отсутствует соучастие, т.е. преступление совершено одним лицом. Статья 317.1 УПК РФ однозначно говорит, что при заявлении ходатайства подозреваемый или обвиняемый в этом ходатайстве указывает какие действия, он обязуется совершить в целях изобличения и уголовного преследования других соучастников преступления[9]. К этому заключению приводит нас и пояснительная записка к Федеральному закону, дополнившему УПК РФ главой 40.1, в которой сказано, что данный институт вводился именно для противодействия организованной преступности, коррупции, для расследовании деятельности преступных

сообществ (преступных организаций), члены которых, как правило, отказываются от дачи показаний о преступной деятельности соучастников и организаторов преступлений. Также необходимо учитывать, что вся глава 40.1 УПК РФ ориентирует нас на преступления, совершенные в соучастии. К такому выводу мы приходим, изучив содержание ч. 4 ст. 317.6 УПК РФ, в которой говорится, что положения главы 40.1 УПК РФ не применяются в случае, если все содействие подозреваемого или обвиняемого заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности[6].

Некоторые ученые и практики в области уголовного процесса, к примеру, Р.Р. Саркисянц и Ю.Г. Овчинников в своих работах указывают на то, что не следует заключать досудебное соглашение и применять особый порядок рассмотрения уголовного дела по существу в отношении подозреваемого, обвиняемого совершившего преступление единолично[14, с. 30. 13, с. 48].

В данном случае, подобный подход нам представляется неправильным, ибо он значительно сужает возможности содействия предварительному следствию со стороны лиц, которые совершили несколько преступлений. В такой ситуации даже при желании лица совершившего несколько преступлений заключить досудебное соглашение в отсутствии необходимого нормативного рычага приведет только к тому, что данные преступления в лучшем случае будут раскрыты всего лишь по нескольким эпизодам, в худшем вообще останутся нераскрытыми. В текущей ситуации можно будет указать на возможность применения норм главы 40 УПК РФ, но для подозреваемого и обвиняемого глава 40.1 гораздо предпочтительнее, ибо в данном случае назначенное наказание не может превышать 1/2 от максимального размера наиболее строгого вида наказания, в то время при применении главы 40 УПК РФ назначенное наказание не может превышать 2/3 от максимального размера наиболее строгого вида наказания. Также необходимо не забывать о том, что особый порядок постановления приговора при применении главы 40 УПК РФ допускается лишь в преступлениях, наказание за которые не превышает 10 лет лишения свободы, в то время как при применении главы 40.1 УПК РФ таких ограничительных мер не предусмотрено.

Уголовно-процессуальный закон указывает на необходимость выделения уголовного дела в отдельное производство в отношении подозреваемого (обвиняемого) заключившего досудебное соглашение. Указанная процедура необходима, прежде всего, для обеспечения безопасности подозреваемого (обвиняемого) во время предварительного следствия и последующего особого порядка рассмотрения уголовного дела по существу в суде. В этой связи необходимо сказать о преюдициальном значении приговора вынесенного судом в особом порядке в отношении подозреваемого (обвиняемого) заключившего досудебное соглашение, в виду того, что два уголовных дела, безусловно связаны между собой, более того приговор по одному из них будет вынесен раньше другого. Вероятнее всего, приговор по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого) заключившего досудебное соглашение будет вынесен значительно раньше, ибо особый порядок рассмотрения уголовного дела судом в сравнении с общим порядком в значительной мере короче. Принимая во внимание п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [5], вступивший в законную силу приговор, постановленный в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не может предрешать вопрос о виновности соучастников, совершивших преступление совместно с таким лицом. Однако, не смотря на указанное разъяснение преюдициальность приговора в отношении иных подозреваемых (обвиняемых) не вызывает сомнений[15, с. 25].

Обращая внимание, что при рассмотрении по существу выделенного уголовного дела раньше, чем основного, проблемным становится вопрос определения роли лица, заключившего досудебное соглашение, оценка оказанного им содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления[7].

В данном случае целесообразнее было бы дождаться вынесения приговора по другому уголовному делу. В данном случае видится необходимым установить ограничение на проведение судебного процесса в отношении подозреваемого (обвиняемого) заключившего досудебное соглашение, до вступления в силу приговора суда по основному уголовному делу. Данный запрет поможет исключить несколько негативных последствий:

1. Заранее исключена ситуация, когда лицо, заключившее досудебное соглашение, уже осужденное по приговору суда, вступившему в законную силу, неожиданно для органов следствия и суда решает изменить свою позицию или изменить показания в отношении иных соучастников по уголовному делу, которое подлежит рассмотрению позднее, или же вообще откажется от дачи показаний сославшись на ст. 51 Конституции Российской Федерации[1].

2. Также исключается ситуация, по которой государственный обвинитель по основному уголовному делу получает неосновательные преимущества в доказывании, путем вступления в законную силу приговора суда в отношении лица, заключившего досудебное соглашение. Думается что в данном случае в соответствии со ст. 90 УПК РФ будет работать правило преюдиции, т.е. обстоятельства, установленные ранее вынесенным приговором суда, будут признаны истинными доказательствами, не обращая внимания на тот факт, что решение вынесено было в особом порядке, исследование и оценка доказательств не проводилась.

3. Ограничивается возможность лица, с которым заключено досудебное соглашение, оговорить соучастников по преступлению.

Данная статья затрагивает лишь некоторые особенности судопроизводства при досудебном соглашении о сотрудничестве, которые, бесспорно, нуждаются в последующем, подробном и глубоком научном анализе. Такой анализ проводится на основе изучения норм отечественного законодательства, опыта зарубежных государств, а также выступлений, научных публикаций и научных исследований.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 4. – Ст. 445.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63–ФЗ// Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

4. Федеральный закон от 29 июня 2009 года 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 26. Ст. 3139.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Приговор Златоустовского городского суда от 20 мая 2014 года № 10-3812/2014 в отношении Афтапова В.Ф. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:// bsa.chel -oblsud.ru/ bsr/

7. Приговор Миасского городского суда от 04 апреля 2013 года № 10-2514/2013 в отношении Абаимова А.В. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:// bsa.chel -oblsud.ru/ bsr/

8. Баев М.О., Баева О.Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: среди мифов и рифов // СПС «КонсультантПлюс», 2010.

9. Брусницына А.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: некоторые проблемы правового регулирования // Научно-информационный электронный журнал студентов и молодых ученых «ЭГО: Экономика. Государство. Общество». 2014. № 18. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ego.uapa.ru/

10. Жукова Е.А., Иванов В.Д. Особенности института досудебного соглашения о сотрудничестве. // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки. Электронный сборник статей по материалам XVI-XVII студенческой международной заочной научно-практической конференции. – Москва: Изд. «МЦНО». – 2014. – № 9-10 (16). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nauchforum.ru/

11. Звечаровский И. Юридическая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве // Законность. – 2009. – № 9. – С. 14.

12. Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России. дис. ... канд. юрид. наук. Самара: СамГу, 2011. 272 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:// www. Kalinovsky - k.narod.ru/ b/kuvaldina_2011/ (дата обращения 27.12.2014 г.).

13. Овчинников Ю.Г. Процессуальный порядок разъяснения прав подозреваемому или обвиняемому на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский следователь. 2011. № 15. С. 29–31;

14. Саркисянц Р.Р. К вопросу о реализации условий досудебного соглашения при расследовании уголовного дела // Российский следователь. 2012. № 1. С. 48.

15. Степаненко Д.А., Днепровская М.А., Шумилина Н.Ю.. Досудебное соглашение о сотрудничестве: некоторые вопросы практики применения // Российская юстиция, 2013. № 8. С. 24–26.

© Н.С. Кошкин, В.С. Напалков 2015

УДК 34

Е.А. Кузина
ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет»,
Юридический факультет
г. Воронеж, Российская Федерация.

ИНДИВИДУАЛИЗМ В ТЕОРИИ ПРАВА

Индивидуализм — система мировоззрения. определенных нравственных принципов и норм поведения личности и один из принципов организации и самоорганизации жизни индивида в сообществе, основанные: 1) на признании приоритета интересов отдельного человека над групповым или общественным интересом, когда индивидуальные предпочтения будто бы поглощают любой общественный интерес; 2) принятии свободы

отдельного человека как наивысшей ценности; 3) рассмотрении общества не как самоорганизующейся общности людей, а как совокупности самодостаточных индивидов, а, соответственно, абсолютизации автономии, независимости личности от общества и государства.

К основным идеям индивидуализма как мировоззрения относятся: 1) все ценности (прав человека, свободы, демократии, справедливости) являются личностно-центрированными: 2) в моральном и правовом отношении все индивиды равны и равноценны в своих правах и обязанностях перед сообществом; 3) естественная природа человека даст основание для веры в изначальную доброту и порядочность человека; 4) никто и ничто не может никогда использовать индивида как средство для достижения целей других членов или структур сообщества: 5) каждый индивид обладает свободой выбора; 6) сообщество является средством для развития и реализации индивида, а не наоборот. В развернутом виде принцип индивидуализма был сформулирован в XIX в. французским ученым и политиком Алексисом де Токвилем (1805-1859), который описал механизм проявления индивидуализма как естественной реакции человека на авторитаризм государственной власти и политический деспотизм.[1]

Индивидуализм – это мировоззрение, концепция, главенствующим в которой является личность и ее взаимоотношения как с другими личностями, так и обществом в целом, подчеркивает индивидуальную свободу, первостепенное значение личности, личную независимость в рамках конституционного правопорядка. Индивидуализм сыграл чрезвычайно важную роль в становлении идеи суверенности и оригинальности индивида в европейской культуре. Он предполагает признание равным человека самому себе, признание за другим таких же качеств. Общество рассматривается как средство удовлетворения интересов личности. А средством для общения людей в таком обществе является право.

В философии индивидуализм выражается в признании индивида основной формой человеческого бытия, в наиболее полной степени выражающей сущность человека, и противостоит многочисленным социально-философским и религиозным учениям, придающим основное ценностное значение надиндивидуальным силам, обществу в целом или определенным человеческим общностям. В политике индивидуализм, подчеркивающий суверенность гражданских прав каждого человека, противостоит этатизму, утверждающему доминирование интересов государства и его институтов над политической волей гражданина. В политической философии индивидуалистические теории выступают за сокращение политической роли государства, утверждая, что оно должно выполнять ограниченный набор функций, необходимых для поддержания правопорядка.

Индивидуализм противопоставляет себя идее и практике подавления личности обществом или государством. Индивидуализм —есть противоположность коллективизма и его разновидностей.

Индивидуализм начинает оказывать влияние на коллективистский характер российского миропонимания. В данном контексте представляется возможной трансформация представлений о гражданском обществе, без которого невозможно эффективное решение жизненных проблем и которое является коллективной формой объединения граждан на принципиально новом, более высоком уровне.

Гражданское общество состоит из свободных людей, которые объединяются для решения задач, затрагивающих их интересы. Т.е. люди создают коллективы сознательно, что дает возможность говорить о подлинной общинности, в отличие от коллективов, созданных или находящихся под контролем государства, которые в первую очередь

выражают государственные интересы, а не личные. В гражданском обществе человек может свободно покинуть коллектив, не опасаясь применения против него каких-либо санкций со стороны общества или государства. Это в корне отличает общественные объединения гражданского общества от аналогичных в условиях недемократического режима. Поэтому для формирования гражданского общества необходим свободный индивид, сознающий свои интересы и активно выступающий за их реализацию. Причем свобода данного индивида ограничивается принятыми в данном обществе нормами морали и права, а не государственными, классовыми или корпоративными интересами. Создание такого индивида является объективно необходимым для России процессом в условиях демократизации общества.

Список использованной литературы:

1.Олейник Ю.Н. // Знание.Понимание.Умение. – 2006. №1. С.184.

© Е.А. Кузина, 2015

УДК 340.11

В.И. Кузьменко
к.ю.н., доцент кафедры теории и методики
обучения праву и правоведения ЕИ КФУ
С.Х. Мухаметгалиева
к.и.н., доцент кафедры частного и публичного
права ЕИ КФУ

НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Вопросы соотношения и взаимодействия международного права и правовой системы России приобретают особое значение в контексте становления гражданского общества. Долгие годы отечественная общая теория права была ориентирована на внутригосударственное право, существование международного права не принималось в расчет, теоретические разработки проводились без учета особенностей международного права и его норм. В научных исследованиях второй половины прошлого века вплоть до конца 80-х гг. четко проводилась линия разграничения сферы действия внутреннего и международного права, определение объективных и субъективных границ действия последнего, обосновывался тезис о принципиальной невозможности международно-правовых норм регулировать общественные отношения, входящие во внутреннюю компетенцию государств.

Положение кардинальным образом изменилось в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., когда после завершения «холодной войны» сформировались реальные предпосылки усиления регулирующей роли международного права в отношениях между государствами.

Как совершенно справедливо отмечал Д.Б. Левин, «международное и внутригосударственное право суть две правовые системы, различные по всем своим основным элементам: по объекту права, по субъектам права, по структуре правоотношений и по источникам права. Лишь частично совпадают объекты права. Именно это и вызывает к жизни саму проблему соотношения международного и внутригосударственного права. Практически эта проблема, поскольку имеется в виду юридическое соотношение обеих

систем, в первую очередь сводится к способам выполнения норм международного права внутри данного государства».[3, с. 3]

Интересной в контексте данного вопроса является мысль В.В. Гаврилова, который отмечает «что категория «правовая система» имеет не только национальную, но и международную «проекции».[7, с. 399]

В результате продолжающейся дискуссии в нашей доктрине права сформировалось позитивное отношение к тому, что поиск баланса интересов государств в современном мире должен быть неразрывно связан с «интернационализацией традиционно внутригосударственных вопросов, с передачей в общих интересах отдельных прав в международную компетенцию.[5, с. 4] Государства вынуждены совместно решать не только международные проблемы, но и задачи, которые еще вчера были чисто внутренними. Все большее количество общественных отношений выходит за пределы государственных границ, и их регулирование возможно только путем взаимодействия государств. Например, экологические катастрофы; разработка ядерного оружия; гуманитарная помощь странам; пострадавшим от стихийных бедствий и природных катаклизмов; борьба с терроризмом; проблемы охраны окружающей среды; урбанизация. Многие из этих жизненно важных проблем, как справедливо отмечается учеными, хотя существовали и прежде в той или иной мере как национальные и региональные проблемы, в современную эпоху приобрели «планетарный характер и беспрецедентные масштабы вследствие сложившейся на земном шаре конкретно-исторической ситуации, а именно – резкого обострения неравномерности социально-экономического и научно-технического прогресса, а также возрастающего процесса интернационализации всей общественной деятельности».[6, с. 321] Решение всех вышеперечисленных проблем также является приоритетным направлением для развития российской правовой системы.

Под влиянием глобализационных процессов правовая система России становится более мозаичной, хотя до недавнего времени российская правовая система развивалась как правовая система моноядерного порядка.[6, с. 89] Этот процесс объективен. Российская правовая система в поиске оптимального развития и совершенствования должна попытаться вобрать лишь позитивные наработки и сохранить историческую самобытность. Часто, к сожалению, изменения в правовой сфере современной России, носят хаотичный характер, они неупорядочены и лишены системной связи, являются незавершенными, что подрывает стабильность и долгосрочность, а также внутреннюю согласованность как правовой системы в целом, так и отдельных ее элементов.

Позиция России в отношении роли международного права в построении глобального демократического миропорядка четко определена в п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации.[1] Провозглашение данного положения как приоритета норм международного права, увеличение числа межгосударственных организаций на постсоветском пространстве – все это повысило интерес к вопросам взаимодействия национального и международного права в отечественной теории и практике.[8, с. 45] Общее международное право, согласно данной статье, является, безусловно, определяющим позицию и действия государства в международных отношениях, отдавая приоритет в принятии решений по вопросам безопасности легитимным международным структурам. Общее международное право ограничивает в данном случае международную сферу компетентности права внутригосударственного.

В современной действительности международное право оказывает влияние на отношения внутри Российской Федерации в следующих плоскостях.

Во-первых, подавляющее большинство норм международного права, которые Россия признала обязательными для себя, воспроизведены в федеральных законах России, ее

законах и подзаконных актах. Такое положение создается вследствие процесса принятия внутренних актов, необходимых для исполнения международного обязательства. Во-вторых, применяются нормы, не трансформированные в национальное законодательство России, но составляющие ее международное обязательство.

Для более эффективного взаимодействия национального и международного права, права надгосударственных образований необходимо проведение комплекса мер. Более активно использовать потенциал ст. 125 Конституции РФ, расширяя тем самым прямое действие Конституции России на международные договоры и организации, призванные обеспечить развитие страны, реализацию прав ее граждан. Поскольку реализация положений ст. 3, 7 и 15 Конституции РФ практически невозможна без ориентации на межгосударственные образования, действующие на постсоветском пространстве, необходимо построить четкую правовую систему надгосударственного образования (это касается СНГ, ЕврАзЭС). Максимально использовать опыт других интеграционных образований (в первую очередь ЕС). Наиболее полно и четко определить сферы, в которых необходимо расширить число правовых актов интеграционного образования, имеющих характер прямого действия в национальных системах государств – участников образования. [1, с. 73]

Для повышения эффективности деятельности межгосударственных образований необходимо расширить полномочия Суда Сообщества в сфере применения норм интеграционного образования.

Современные прогрессивные тенденции в сфере международного и внутринационального права позволяют продемонстрировать два взаимообусловливающих феномена. Во-первых, в мире интегрированного права появляется своеобразное «общее правовое состояние», имеющее универсальное значение и базирующееся на гуманитарных ценностях и правовых началах. Во-вторых, единые потребности правового регулирования выступают той центробежной силой, которая сближает правовые системы на каждом следующем витке их эволюционного развития. В данном аспекте международная система играет интеграционную, объединяющую роль. При этом процесс согласования равноправных государственных «воль» и мнений остается остродискуссионным и сложным. Вполне объяснимо, что чем сильнее государство в экономическом, политическом и правовых аспектах, тем масштабнее его волеизъявление.

Хотелось бы отметить, что в настоящее время связь внутригосударственного и международного права является юридически необходимой. При помощи внутригосударственного права осуществляется большинство международно-правовых норм. [2, с. 11] Внутригосударственное право является своеобразным балансом «устойчивости» международного права в целом, так как именно от четкого соблюдения национальных правовых норм зависит развитие и межгосударственных объединений.

На наш взгляд, необходимо ориентироваться на дуалистическую концепцию соотношения и развития международной и национальной правовых систем. Данный подход основан на тезисе об одновременном существовании двух взаимосвязанных и взаимозависимых правовых систем. Каждая из них носит самостоятельный характер, однако в процессе взаимодействия в условиях современных интеграционных процессов взаимно дополняют друг друга. При таком взаимодействии согласно дуалистическому подходу исключается всякое, какое бы то ни было доминирование одной правовой системы над другой. Международную и национальную правовые системы следует рассматривать как два различных правопорядка.

Главной задачей же внутреннего права является создание и определение условий при помощи компонентов национальной правовой системы обеспечить порядок реализации и применения международно-правовых норм. В свою очередь, международное право сможет

эффективно выполнять свои задачи лишь в случае постоянного обращения за «помощью» к внутригосударственному праву.

Список использованной литературы:
Нормативно-правовые акты

Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993г.: [с учетом внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008г. № 6 – ФКЗ, от 30 декабря 2008г. № 7 – ФКЗ] // Российская газета. – № 7. – 2009. – 21 января.

Специальная литература

1. Белых А.Г. Нормы международного и национального права в условиях интеграции/ А.Г. Белых // Юридический мир. – 2007. – №5. – С. 72 – 76.
2. Влияние международного права на национальное законодательство (Материалы заседания Международной школы – практикума молодых ученых – юристов. Москва. 24 – 26 мая 2007 г.) / Отв. редакторы Т.Я. Хабриева и Ю.А. Тихомиров. – М.: ИД «Юриспруденция», 2007. – С. 11.
3. Гаврилов В.В. Теоретические проблемы соотношения международного и внутригосударственного права // Проблемы укрепления государственности и обеспечения верховенства закона. Материалы юбилейной научно-практической конференции, посвященной 45-летию непрерывного юридического образования в ДВГУ. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 2003. – С. 3 – 12.
4. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: Учебник для студентов юридических факультетов и вузов / И.И. Лукашук. – М.: Волтерс -Клувер, 2005. – С. 256.
5. Манов Б.Г. Современное международное право в условиях глобализации// Международное публичное и частное право / Б.Г. Манов // – 2008. – № 1. – С. 2 – 4.
6. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации / М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2008. – С. 321.
7. Основные направления и способы взаимодействия международной и национальных правовых систем // Материалы международной научно-практической конференции «государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения)». Сборник тезисов. – М.: ООО «Изд-во «Элит»», 2009. – С. 399 – 404.
8. Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – С. 45.

© В.И. Кузьменко, С.Х. Мухаметгалиева, 2015

УДК 343.985.7

Н. А. Кусмарцев
Отдел МВД России по Красноармейскому району Саратовской области
Красноармейский район Саратовской области, Российская Федерация

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕЗАКОННЫХ ПРОИЗВОДСТВА, СБЫТА ИЛИ ПЕРЕСЫЛКИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ

Среди многочисленных видов преступной деятельности незаконный оборот наркотиков является самым массовым и организованным, поскольку в нелегальное производство и сбыт наркотиков привлечены тысячи преступных элементов, относящихся к различным

слоям общества. Такое положение обусловливается целым рядом причин, основными из которых являются:

1) колоссальные прибыли, извлекаемые из незаконного оборота наркотических средств;

2) отсутствие жизненных идеалов и бесперспективность значительных групп населения в обществе, привлекающие к нелегальному производству и спекуляции наркотиками тысячи преступных элементов;

3) криминализация общества [1].

Одним из первых ученых-криминалистов в начале 70-х гг. XX в. обосновал научное понятие криминалистической характеристики ученый-криминалист Л. А. Сергеев, который определил ее как «особенности преступлений отдельных видов, имеющие значение для следственной практики и разработки научных рекомендаций». Впоследствии учеными-криминалистами неоднократно предпринимались попытки осмысления, разработки и формулирования содержания понятия «криминалистическая характеристика преступлений», однако до сих пор нет единого научного мнения, касающегося понятия, содержания, количества структурных элементов криминалистической характеристики преступлений как части теоретических основ методики расследования [2, с. 179]. Отсутствие единого подхода к пониманию этой криминалистической категории дает основания для предположения, что в науке продолжается процесс ее творческого осмысления. В связи с этим возникают вопросы: что же служит основой для выделения тех или иных элементов структуры криминалистической характеристики преступлений; в чем заключается практическое значение криминалистической характеристики, что она из себя представляет?

Основными элементами криминалистической характеристики незаконных производства, сбыта или пересылки наркотических средств и психотропных веществ (их аналогов) являются:

1) предмет преступного посягательства;

2) классификация и характеристика каналов транспортировки наркотических средств (психотропных веществ);

3) специфика следообразования (материальные, идеальные следы), а именно следы:

— изготовления сырья и наркотиков;

— транспортировки, хранения и сбыта наркотиков;

— потребления наркотиков;

4) обстоятельства совершения преступления (место, время);

5) способ совершения [3, с. 9];

6) характеристика личности преступника (в зависимости от его участия и роли в преступлении) [4].

Одним из основных элементов криминалистической характеристики любого преступления является определение способа его совершения. Установление способов совершения преступления способствует выявлению фактических признаков конкретного преступления [2, с. 182]. Одним из факторов, определяющих выбор способа совершения преступления, является обстановка (обстоятельства), предшествующая совершению преступления, во время его совершения и предполагаемые события, которые могут произойти после его совершения.

Характеризуя личность преступников, необходимо отметить, что в настоящее время незаконный оборот наркотиков – это система организованной преступности. Поэтому структура преступной организации в сфере незаконного оборота наркотиков имеет свои особенности и, безусловно, должна быть принята во внимание работниками оперативных подразделений и органов предварительного следствия [5, с. 184].

Список использованной литературы:

1. Пупцева А. В. Актуальные проблемы противодействия незаконному распространению наркотиков в современных условиях / А. В. Пупцева // Современные проблемы науки и образования (электронный журнал) 2013. – № 6; URL: http:// www.science- education.ru/ 113-11628.
2. Пупцева А. В. Особенности криминалистической характеристики незаконной транспортировки наркотиков / А. В. Пупцева // Актуальные проблемы современной науки: сб. материалов международной научно-практич. конф. МОУ ВПО «Институт права и экономики». Тамбов-Липецк, 2014. 23 мая.
3. Пупцева А. В. Организация расследования незаконных перевозки, пересылки наркотических средств и психотропных веществ: учебное пособие / А. В. Пупцева. Волгоград: ВА МВД России, 2013.
4. Пупцева А. В. Проблемные вопросы взаимодействия следователя с органами дознания при раскрытии и расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков (электронный журнал) / А. В. Пупцева, А. П. Большаков // Современные проблемы науки и образования. 2014. – № 3; URL: http://www.science-education.ru/117-13027.
5. Пупцева А. В. Основные элементы структуры организованной преступности в сфере незаконного оборота наркотиков / А. В. Пупцева // Актуальные проблемы современной науки: сб. материалов международной научно-практич. конф. МОУ ВПО «Институт права и экономики». Тамбов-Липецк, 2014. 23 мая.

© Н. А. Кусмарцев, 2015

УДК 343.1

А.А. Лихолетов
к.ю.н, старший преподаватель ВА МВД России

ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ НА СТАДИИ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Уголовно-процессуальное законодательство России относит освидетельствование к одному из следственных действий, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела.

В соответствии со ст. 179 УПК РФ, освидетельствование это следственное действие, проводимое в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также свидетеля с его согласия, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний, с целью обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы.

В ч. 1 ст. 179 УПК РФ указано, что данное следственное действие, в случаях, не терпящих отлагательства, может быть произведено до возбуждения уголовного дела.

Вместе с тем, действующая редакция ст. 179 УПК РФ, по нашему мнению, приводит к невозможности производства освидетельствования до возбуждения уголовного дела, что, в некоторых случаях, может привести к неправильной квалификации преступления, либо утрате, имеющих значение для расследования, следов преступления.

Так, например, при совершении дорожно-транспортного происшествия (наезд на пешехода) со смертельным исходом при наличии явных признаков опьянения водителя, возникает необходимость в производстве освидетельствования. При этом, в случае его отказа от прохождения освидетельствования на состояния опьянения, проводимого в порядке ст. 27.12 КоАП РФ, последний привлекается к административной ответственности по ст. 12.26 КоАП РФ. При этом факт нахождения водителя в состоянии опьянения объективными данными, которые могут быть положены в основу принятия решений о квалификации совершенного деяния при возбуждении уголовного дела и направлении хода расследования, получены не будут.

В данном случае, при наличии оснований для проведения проверки в порядке ст. 144 УПК РФ, следователь, казалось бы, вправе провести освидетельствование, которое исходя из смысла ч. 1 ст. 179 УПК РФ является «принудительным» следственным действием. Исключением является лишь только освидетельствование свидетеля, кроме случаев производства данного следственного действия для необходимости оценки достоверности его (свидетеля) показаний.

При этом отсутствие прямого указания в ст. 179 УПК РФ на возможность принудительного производства данного следственного действия может привести к неоднозначному толкованию на практике действий следователя, проводившего данное процессуальное действие без согласия освидетельствуемого.

Указанная ситуация приводит к необходимости внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство с обязательным закреплением порядка принудительного освидетельствования.

С целью выхода из сложившейся ситуации Д. К. Брагер предлагает процессуально оформить процедуру принудительного производства данного следственного действия с обязательным рассмотрением судом вопроса о целесообразности и допустимости проведения освидетельствования без согласия освидетельствуемого в каждом конкретном случае [1, С. 99].

Однако, по нашему мнению, судебный контроль над законностью по каждому факту производства принудительного освидетельствования является излишним. Конституционный суд Российской Федерации в своих постановлениях неоднократно указывал на возможность производства отдельных следственных действий в принудительном порядке, даже и при условии отсутствия прямого указания на такую возможность в уголовно-процессуальном законодательстве [2]. Ярким примером является получение образцов для сравнительного исследования, производство которого, при условиях соблюдения установленного процессуального порядка и исключения фактов применения в его процессе методов, опасных для жизни и здоровья человека или унижающих его честь и достоинство, признается соответствующим Конституции РФ [3]. При этом право обжалования действий и решений следователя в порядке ст. 125 УПК РФ, в любом случае, остается за освидетельствуемым.

Кроме того, на стадии проверки сообщения о преступлении возникает проблема, обусловленная несовершенством редакции ч. 1 ст. 179 УПК РФ, в соответствии с которой освидетельствование может быть произведено только в отношении лица, наделенного четко указанным в норме процессуальным статусом: подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля. Наделение названными процессуальными статусами, в соответствии со статьями 42, 46, 47, 56 УПК РФ, возможно только лишь на стадии предварительного расследования. В противном случае результаты следственного действия могут быть признаны судом недопустимыми доказательствами, как полученными с нарушением требований УПК РФ.

В связи с этим, необходимо внесение изменений в действующую редакцию ст. 179 УПК РФ. Следует согласиться с мнением О.А. Поповой, предлагающей ч. 1 ст. 179 УПК РФ после слов «произведено освидетельствование подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего…» дополнить словами «лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении», а после слова «свидетеля» — словами «лица, вызванного для получения объяснений», с одновременным разъяснением в ст. 5 УПК РФ предлагаемых дефиниций [4, С. 46].

Однако, следует отметить, что «лицом, вызванным для получения объяснений» может быть и «лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении». В связи с этим, на наш взгляд, при установлении круга лиц, в отношении которых возможно производство освидетельствования, целесообразнее использовать термин «участник досудебного производства», закрепленный в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ и употребляемый для определения всех участников, в отношении которых возможно производство процессуальных действий на стадии доследственной проверки.

Таким образом, предлагается изложить ч. 1 ст. 179 УПК РФ в новой редакции:

«Статья 179. Освидетельствование

1. Для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы, может быть произведено освидетельствование подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также участника досудебного производства. В случаях, не терпящих отлагательства, освидетельствование может быть произведено до возбуждения уголовного дела».

Кроме того, дополнить статью 179 УПК РФ статьей 1.1. следующего содержания:

«1.1. В случае отказа подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также участника досудебного производства от производства освидетельствования данное следственное действие проводится принудительно. Освидетельствование свидетеля проводится с его согласия, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний».

Следует отметить, что не лишены коллизий и изменения, внесенные в УПК РФ Федеральным законом № 23-ФЗ от 04.03.2013 г., предоставляющие право на стадии проверки сообщения о преступлении назначать судебную экспертизу. В данном случае у лица, в отношении которого назначается экспертиза, также отсутствует процессуальный статус, что не позволяет в полном объеме обеспечить его права [5].

Список использованной литературы:

1. Брагер Д.К. Принудительное проведение освидетельствования и получения образцов для сравнительного исследования: отдельные проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 99.

2. См.: Определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2004 № 448-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 46 и пункта 3 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»// Вестник Конституционного Суда РФ, № 3, 2005; Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2013 N 1298-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соколюка Владимира Ильича на нарушение его конституционных прав статьей 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

3. См. подробнее: Кушпель Е.В., Шувалов Д.Н. Тактические особенности получения образцов для сравнительного исследования при подготовке к назначению экспертизы ДНК// Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6; URL: www. science-education.ru/120-17138 (дата обращения: 11.02.2015).

4. Попова О.А. Проблемы производства отдельных процессуальных действий в стадии производства процессуальных действий // Вестник Воронежского института. 2013. № 4.

5. См. подробнее: Шувалов Д.Н., Кушпель Е.В. Особенности подготовки и назначения экспертизы ДНК // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6; URL: www.science-education.ru/120-17177 (дата обращения: 11.02.2015); Черменева С.С. Назначение экспертизы до возбуждения уголовных дел: положительные и проблемные аспекты // Проблемы российского законодательства и международного права: сборник статей Международной научно-практической конференции (31 января 2015 г., г. Уфа). - Уфа: Аэтерна, 2015. С. 46-49.

© А.А. Лихолетов, 2015

УДК - 347.5

В.А. Максимов,
преподаватель, кандидат юридических наук,
Санкт-Петербургский университет МВД России

ОРГАН ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СУБЪЕКТ, КОТОРЫЙ ПУБЛИЧНО ОБЪЯВЛЯЕТ О НАГРАДЕ ЗА СОВЕРШЕНИЕ УКАЗАННОГО В ОБЪЯВЛЕНИИ ПРАВОМЕРНОГО ДЕЙСТВИЯ В УКАЗАННЫЙ В НЕМ СРОК

В ст. 1055 ГК РФ содержатся нормы, направленные на обеспечение реализации обязанности лица, публично объявившего о выплате награды, произвести такую выплату. Публичное обещание награды - это публичное объявление о выплате денежного вознаграждения или выдаче иной награды (о выплате награды) тому, кто совершит указанное в объявлении правомерное действие в указанный в нем срок.

Публичное обещание награды представляет собой одностороннюю сделку, влекущую при наличии совершения соответствующего действия отозвавшимся лицом возникновение обязательства, в содержание которого входит обязанность должника, объявившего награду, произвести ее выплату и которое наделяет субъективным правом лицо, выполнившее требуемое в публичном обещании действие. Обещание награды является публичной офертой, обращенной к любому, кто отзовется. Данные отношения носят внедоговорный характер [1, с. 6]

В исследуемых правоотношениях мы имеем возможность рассмотреть участие органа внутренних дел (далее -ОВД) как :

- субъекта, который публично объявляет о награде за совершение указанного в объявлении правомерного действия в указанный в нем срок - "призвавшего";
- субъекта, отозвавшегося на данное объявление о совершении правомерного действия в указанный в нем срок - "отозвавшегося";

В соответствии с обозначенной темой исследования в качестве "призвавшего" выступает орган внутренних дел. В настоящей работе мы не будем давать подробный анализ органам внутренних дел как субъектов обязательственных отношений. Эта работа на наш взгляд уже проведена в науке гражданского права достаточной мере. Ограничимся лишь

констатацией того факта, что ОВД, являясь органами исполнительной власти, выполняя возложенные на них задачи, вступают в различные гражданские правоотношения в лице созданных Министерством внутренних дел учреждений, основанных на праве оперативного управления. Поэтому все особенности гражданско-правового статуса учреждения, связанные прежде всего с имущественными правами и обязанностями, присущи и учреждениям ОВД [2, с. 12].

Специфика деятельности органов внутренних дел определяет специальный характер их гражданской правоспособности. Это связано с тем, что наделение органов внутренних дел гражданской правоспособностью предполагает реализацию тех гражданских прав и обязанностей, которые служат цели выполнения задач, стоящих перед указанными органами. Как юридические лица, они могут совершать лишь такие гражданско-правовые действия, которые направлены на достижение поставленных перед ними задач, в отличие от граждан, способных иметь любые, предусмотренные законом права и обязанности. Наделение органов внутренних дел правами и обязанностями юридического лица, обеспечивает их нормальное функционирование как участников гражданско-правовых отношений.

Таким образом, возможность участия органов внутренних дел в качестве субъекта, который публично объявляет о награде, например, за предоставление сведений, имеющих значение в связи с выявлением, раскрытием или расследование противоправного деяния, розыском лиц, скрывающихся от следствия, дознания, суда или без вести пропавших, является абсолютно законным и обоснованным, так как полностью соответствует действующей доктрине гражданского права, законодательству РФ и специальной правоспособности самого ОВД как юридического лица, так как направлено на защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействию преступности, охране общественного порядка, собственности и обеспечению общественной безопасности.

Публичное же объявление награды со стороны ОВД за осуществление каких-либо других правомерных действий в указанный срок, где эти действия никоем образом не связаны с целями, задачами и направлениями деятельности ОВД, будут противоречить его компетенции и специальной правоспособности. Соответственно подобное обещание нельзя признать правомерным, а само соглашение, заключенное при подобных обстоятельствах, следует считать недействительным.

Список использованной литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Публичное обещание награды. Публичный конкурс. Проведение игр. Лотерея. Постатейный комментарий к главам 56 - 58: под ред. Крашенинникова П.В.. М.: Статут, 2014. 80 с.

2. Киричук И. Б. Организация и деятельность органов внутренних дел как предмет правового регулирования: дис.… канд. юрид. наук. М., 1991. 186 с.

3. Максимов В.А. Право хозяйственного ведения субъектов системы МВД России: Автореф. дис.… канд. юрид. наук . СПб, 2007. 22 с.

4. Смирнов В.И., Желонкин С.С. Историко-правовое развитие учения о сделках, как одном из юридических факторов // Современная наука. 2010. № 3. С. 43-47.

5. Желонкин С.С. О противоправности и неправомерности действия, образующего состав недействительной сделки // Мир экономики и права. 2009. № 38. С. 38

© В.А. Максимов, 2015

УДК 34

Г.Р. Марданова
Старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
ЧОУ ВПО «Камский институт»
г. Набережные Челны, Республика Татарстан, Российская Федерация
Р.Г. Хайруллина
Доцент кафедры правовых дисциплин
ЧОУ ВПО «Камский институт»
г. Набережные Челны, Республика Татарстан, Российская Федерация

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СМЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В НАЛОГОВОМ ПРАВЕ РОССИИ

Термин «смягчающие обстоятельства» встречается во многих отраслях российского права, а не только в уголовном праве. Это говорит о том, что институт смягчающих обстоятельств имеет свое место и значение при возложении на лицо какого-либо вида юридической ответственности.

Термин «смягчающие обстоятельства» используется также в налоговом законодательстве России. В частности, в статье 112 Налогового кодекса РФ сказано, что при рассмотрении вопроса о привлечении налогоплательщика к ответственности учитываются все обстоятельства, в том числе и смягчающие: совершение правонарушения вследствие стечения тяжелых личных или семейных обстоятельств; совершение правонарушения под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости; тяжелое материальное положение физического лица, привлекаемого к ответственности за совершение налогового правонарушения; иные обстоятельства, которые судом или налоговым органом, рассматривающим дело, могут быть признаны смягчающими ответственность (к последним относятся, например, самостоятельное выявление и исправление налогоплательщиком ошибок в налоговой декларации и подачу в налоговый орган заявления о ее дополнении и изменении) [1]. Согласно пункту 4 статьи 112 НК РФ право учитывать и применять смягчающие ответственность обстоятельства предоставлено как суду, так и налоговому органу, рассматривающим дело. В частности, на основании пункта 5 статьи 101, пункта 7 стать 101.4 НК РФ в ходе рассмотрения материалов налоговой проверки руководитель (заместитель руководителя) налогового органа выявляет обстоятельства, исключающие вину лица в совершении налогового правонарушения, либо обстоятельства, смягчающие ответственность за совершение налогового правонарушения. Из текста пункта 3 статьи 114 НК РФ следует, что при наличии хотя бы одного смягчающего ответственность обстоятельства размер штрафа подлежит уменьшению не меньше чем в два раза по сравнению с размером, установленным соответствующей статьей главы 16 НК РФ за совершение налогового правонарушения.

При этом в отличие от Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в НК РФ отсутствует норма, четко устанавливающая размер, ниже которого штраф за совершение того или иного налогового правонарушения назначен быть не может.

Пленум Верховного Суда РФ и Пленум ВАС РФ в совместном постановлении от 11.06.99 г. N 41/9 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации» указали следующее: учитывая, что в пункте 3 статьи 114 НК РФ установлен лишь минимальный предел снижения налоговой санкции,

суд по результатам оценки соответствующих обстоятельств (например, характера совершенного правонарушения, количества смягчающих ответственность обстоятельств, личности налогоплательщика, его материального положения) вправе уменьшить размер взыскания и более чем в два раза [2]. Таким образом, сумма штрафа, назначаемого за совершение налогового правонарушения, в случае установления судом хотя бы одного смягчающего ответственность обстоятельства может быть снижена в пределах от 50 до 99% размера штрафа, установленного соответствующей статьей главы 16 НК РФ. На практике нередок вопрос о том, возможно ли применение статей 112 и 114 НК РФ в случае, когда устанавливается одновременно наличие как смягчающих, так и отягчающих налоговую ответственность обстоятельств (совершение налогового правонарушения лицом, ранее привлекаемым к ответственности за аналогичное правонарушение). При рассмотрении данного вопроса суды исходят из того, что прямого запрета на снижение размера штрафа судом в подобном случае действующее налоговое законодательство не содержит [3, с. 20-21].

Перечень обстоятельств, которые могут быть признаны судами в качестве смягчающих ответственность, является неограниченным (в отличие, например, от установленного НК РФ перечня обстоятельств, отягчающих налоговую ответственность). С учетом изложенного налоговый орган или суд, привлекая к ответственности, могут по своему усмотрению признать в качестве смягчающих ответственность обстоятельств любые иные обстоятельства [3, с. 24-25].

Список использованной литературы:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 29.12.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 1998 г., № 31, ст. 3824..

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 41, Пленума ВАС РФ № 9 от 11.06.1999 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 06.07.1999. № 128.

3. Ковалевская Д. Практика применения смягчающих ответственность обстоятельств в соответствии с НК РФ // Финансовая газета, 2010, № 23. С. 20-21.

© Г.Р. Марданова, Р.Г. Хайруллина, 2015

УДК 347.421

М.С. Нестерова
аспирант юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет
г. Краснодар, Российская Федерация

ОСНОВАНИЕ ОДОБРЕНИЕ СДЕЛОК ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Согласие или одобрение является необходимым элементом для совершения целого ряда гражданских сделок, и, по-нашему мнению, в этой статье необходимо более детально ознакомиться с теми основаниями при которых получение согласия или одобрения на совершение сделки является обязательным.

Прежде всего, рассматривая основания и особенности согласия или одобрения сделки, является необходимым разграничить между собой сделки и иные юридические факты, требующие согласия на их совершение. Мы можем констатировать, что в гражданском законодательстве определено достаточно большое число случаев, при которых необходимо волеизъявление лица, которое не является правообладателем. Помимо сделок это могут быть и иные юридические факты, которые могут быть отнесены к публично-правовым актам, юридическим поступкам и другим действиям.

Большое значение согласие имеет так же и в семейном законодательстве. Рассматривая согласие на совершение сделки, под третьими лицами, которые дают согласие необходимо понимать лиц, которые не являются сторонами в сделке, однако, в рамках данной нормы является спорным отнесение супруга к третьим лицам при даче согласия на совершение сделки по распоряжению имуществом одним из супругов.

В данном случае речь идет о возможности применения норм о согласии на совершение сделки (статья 157.1 ГК РФ) и норм о недействительности сделки, совершенной без необходимого в силу закона согласия третьего лица (статья 173.1 ГК РФ).

Ориентируясь на норму статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации можем говорить о том, что для совершения одним их супругов сделки по распоряжению недвижимостью и сделки, для которой необходимо нотариальное удостоверение и (или) регистрация в установленном законом порядке, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга. Как правило, объектом сделки, является общее имущество, на которое распространяется режим общем совместной собственности и оба из супругов являются собственниками. Однако стороной сделки выступает уже один их супругов, а другой лишь дает согласие на совершение сделки и, как мы видим, выступает в качестве третьего лица, давая согласие на совершение сделки.

Вызывает вопрос, насколько подобная норма будет способствовать стабильности гражданского оборота? Безусловно, если против лица совершены противоправные действия, такие как насилие, введение в заблуждение, мошенничество, обман и др., то лицо может оспорить заключенную сделку. Таким образом, мы считаем, что в случае, если никаких противоправных действий не применялось и лицо, давшее согласие действовало по своей воле, то законодательно должен быть установлен срок, после которого возможен отзыв согласия

Считаем, что в согласие на совершение сделки должно быть обозначено на какой срок оно выдается. Предлагаем, что, по аналогии с доверенностью, данный срок не может быть бессрочным и следует закрепить максимальный срок действия такого согласия.

В рамках распоряжения имуществом, находящимся в общей собственности супругов нередко возникают споры о том, на что конкретно давалось согласие, какой срок оно действует и каким образом должен происходить отзыв данного согласия.

Продолжая говорить об одобрении сделок в рамках семейного законодательства необходимо выделить группу отношений между родителями (усыновителями, попечителями) и несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет, которые могут совершать разнообразные сделки с согласия родителей, усыновителей или попечителя. В рамках предусмотренного нормами ГК РФ, а именно пунктом 1 статьи 26 данное согласие должно быть выражено в письменной форме. Если лицо не соблюло данное требование, то это может является основанием для признания сделки недействительной в рамках статьи 175 ГК РФ. Но, в данном случае, закон допустил возможность лечения данной сделки, совершенной без согласия путем ее дальнейшего одобрения. В случае, если получено последующее одобрение сделки родителями, усыновителями или попечителем, заключенная несовершеннолетним лицом сделка признается действительной.

Весьма интересным выглядит в данном случае так же тот факт, что для согласия или одобрения достаточно воли одного из родителей или усыновителей, хотя подобное положение не закреплено юридически. В данном случае, суды исходят из принципа равенства прав родителей по отношению к детям, но все равно, в правоприменительной практике возникают споры, в тех случаях если один из родителей дал последующее одобрение по совершенной сделке, а второй выступает против подобного одобрения. Считаем, надо законодательно предусмотреть, что в случае согласия хотя бы одного из родителей или усыновителей на совершение сделки либо одобрение ее в дальнейшем она считается совершенной. Во всяком случае, достаточно четко выраженное правовое закрепление данного вопроса позволит избежать определенного количества обращений в суд и дальнейших судебных разбирательств.

Далее предлагается рассмотреть случае которые требуют согласия или одобрения от органов управления юридических лиц. В целом, большинство сделок, заключаемых назначенным органом управления юридического лица (чаще всего это директор или генеральный директор) не требует согласования с органами управления организации. Однако закон "Об акционерных обществах" от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ предусматривает отдельный случаи, когда для совершения сделки должно быть получено предварительное согласие или последующее одобрение.

В данном случае необходимо отметить, что, несмотря на то что последующее одобрение допускается законодателем, тем не менее несет риск ненадлежащего управления акционерным обществом и дальнейших осложнения деятельности организации в части реализации заранее не одобренной сделки.

К сделкам, требующим одобрения совета директоров или общим собранием акционеров относятся крупные сделки с заинтересованностью (называемых так же экстраординарными сделками) и иные сделки, одобрение которых подразумевается при разрешении органами управления иных вопросов в рамках своей компетенции (называемых так же согласуемые сделки). В качестве примера может быть приведен случай о прекращении участия лица в акционерном обществе, для принятие которого необходимо согласование.

Основная разница между одобрением согласуемых и сделок с заинтересованностью является порядок голосования. Для одобрения сделок с заинтересованностью законодателем предусмотрен специальный порядок принятия решения. В данном случае может возникнуть вопрос о критерии для определения крупной сделки. В целом данным критерием выступает процентное соотношение стоимости приобретаемого или отчуждаемого имущества (прав) к балансовой стоимости активов общества. Если указанное соотношение составляет 25 и более процентов, то такая сделка признается крупной. При этом для расчета данного значения могут учитываться как отдельная сделка, так и несколько взаимосвязанных. Однако существует целый ряд сделок, которые в соответствии с законодательством и Постановлениями Высшего Арбитражного Суда не будет крупной, если осуществляется в рамках обычной хозяйственной деятельности организации (сделки, которые обусловлены постоянством их совершения в связи с осуществляемой предпринимательской деятельностью, например, сделки по приобретению сырья и материалов [3], сделки, направленные на осуществление основного вида деятельности [2], сделки по реализации готовой продукции [4] и иные. Данные сделки выделены отдельно дабы предотвратить неблагоприятные последствия для предпринимательской деятельности организации и исполнения ей принятых на себя обязательств. Однако, часть из этих сделок могут быть отнесены уставом к сделкам, требующим одобрения.

Следует указать, что 16 мая 2014 года Высший Арбитражный Суд своим Постановлением № 28 "О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок

и сделок с заинтересованностью" [1] постарался разрешить некоторые спорные вопросы, связанные с оспариванием вышеперечисленных сделок.

В частности, Пленум ВАС предусмотрел, что наличие решения общего собрания участников общества об одобрении соответствующей сделки не препятствует признанию соответствующей сделки общества, совершенной в ущерб его интересам, недействительной на основании пункта 2 статьи 174 ГК РФ, если будет доказано, что другая сторона сделки знала или должна была знать о явном ущербе для общества либо имели место обстоятельства, которые свидетельствовали о сговоре либо об иных совместных действиях представителя или органа этого общества и другой стороны сделки в ущерб интересам представляемого или интересам общества.

Считаем, что по итогам рассмотрения данной статьи можно сделать определенные выводы.

Более конкретное установление сроков действия согласия и порядка его отзыва сможет положительно повлиять на регулирование сделок, требующих одобрения. Сама необходимость принятия подобных норм подтверждается правоприменительной практикой, где нередко суд испытывает сложности при выяснении момента дачи согласия на совершения сделки, формы и способы его выражения, а так же возможности отзыва.

Исходя из анализа правоприменительной практики и положений действующего законодательства считаем возможным сделать следующие выводы и предложения:

- согласие собственника должно рассматриваться в качестве действующего вплоть до его отмены. В законе в качестве общего правила, применимого ко всем отношениям, на наш взгляд, следует установить диспозитивный срок действия согласия, который, к примеру, может равняться одному году. Считаем также ввести необходимым ввести императивную норму о максимальном сроке действия согласия, по аналогии с доверенностью. По нашему мнению, такой срок мог бы равняться трем годам. Это связано с тем, что привязка к разумному сроку в данном случае является неопределенной и требует уточнения диспозитивным и максимальным сроком.

- считаем возможным, что к согласию на совершению сделки, как юридическому документу, должны применяться субсидиарно иные нормы о доверенности. В частности, положения статьи 189, в которой содержится обязанность известить потенциальных контрагентов об отмене доверенности. Схожее положение можно ввести относительно отзыва согласия.

- Позиция Президиума ВАС говорит о том, что при рассмотрении вопроса о том, должна ли была другая сторона сделки знать о ее совершении с нарушением порядка одобрения крупных сделок, суды должны учитывать, насколько это лицо могло, действуя разумно и проявляя требующуюся от него по условиям оборота осмотрительность, установить наличие у сделки признаков крупной сделки и несоблюдение порядка ее одобрения. В частности, контрагент должен был знать о том, что сделка являлась крупной и требовала одобрения, если это было очевидно любому разумному участнику оборота из характера сделки. В данном случае хотелось бы отметить, что Постановление Пленума ВАС говорит нам об осмотрительности лица, требующейся по условиям оборота. Считаем данное понятие недостаточно уместным в данном случае, так как оно носит крайне оценочный характер и не может быть признано удовлетворительным для успешного правоприменения.

- считаем разумным законодательно ввести такую дефиницию как "разрешение на сделку", которая может быть применима к одобрению административными органами государственной и муниципальной власти сделок, когда это предусмотрено действующим законодательством. Однако по своей правовой природе это не является ни согласием ни

одобрением и должно быть отражено в законодательстве как "разрешением на совершение сделки".

Список используемой литературы

1. О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда от 16 мая 2014 года № 28 // Справочная правовая система "Консультант плюс"

2. Определение ВАС РФ от 15 сентября 2011 года № ВАС-12005/11 по делу № А40-101061/10-63-892 // Справочная правовая система "Консультант плюс"

3. Постановление Пленума ВАС РФ от 18 ноября 2003 года № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // Справочная правовая система "Консультант плюс"

4. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 01 ноября 2010 года по делу № А56-63103/2009 // Справочная правовая система "Консультант плюс"

© М.С. Нестерова, 2015

УДК 34

И. Ю. Полумеева
студентка 5 курса юридического факультета
ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет»
г. Воронеж, Российская Федерация

ЛИЧНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ключевым понятием общества выступает свобода как условие и способ человеческого самоосуществления, отягощенного мерой персональной ответственности. В рамках гражданского общества и его институтов свобода проявляется не так, как в границах государства, где человек заявляет о себе как существо пассивное, страдательное, ибо оно объект внимания и манипулирования, заботы и наказания.

Свобода означает не только то, что индивидуум имеет возможность, но и то, что он должен отвечать за последствия своих действий. В этом плане свобода и ответственность неотделимы.

Свобода личности и ответственность может быть рассмотрена в различных аспектах: философском, религиозном, этическом, социальном, политическом, экономическом. Философский аспект связан, прежде всего, с трактовкой свободы воли. Свобода воли - понятие, означающее возможность беспрепятственного внутреннего самоопределения человека в выполнении тех или иных целей и задач личности [1, с. 246].

Философия свободы человека была предметом размышлений Канта, Гегеля, Ницше, Сартра, Фромма, Камю, Бердяева, Соловьева и других ученых.

Проблема свободы занимает центральное место в учении Сартра. Человек объявляется Сартром носителем абсолютной свободы. Свободный выбор - удел каждого человека. Человек, по Сартру, обречен на свободу. Он выбирает неизбежно даже тогда, когда не хочет выбирать. В поведенческом и нравственном выборе, согласно Сартру, участвует не ясное рефлексивное сознание человека, а некие дорефлексивные (предварительный, магический) пласты его внутреннего мира. Человек выбирает не умом, а целостностью своего "я", и выбор его реализуется в поступке. В работе "Экзистенциализм - это гуманизм"

Сартр приводит пример некоего молодого человека, который не знает, пойти ли ему защищать родину от оккупантов или остаться с матерью, для которой он - единственная опора. Сартр подчеркивает, что никакая писаная мораль не может дать здесь ответа. То же христианство призывает нас возлюбить ближнего, но кто в данном случае "ближний" - воины, сражающиеся за освобождение родины, или мать? Конечно, молодой человек может обратиться к кому-нибудь за советом. Например, к священнику. Но ответ он получит в зависимости от того, к какому священнику пойдет. Так что практически, выбирая советчика, выбор он все равно делает сам. Человек совершенно свободен выбирать, но за свой выбор он отвечает полностью. Разумеется, он отвечает за него не перед обществом, не перед высшими силами, которых нет, а только перед самим собой [2, с. 233].

Одной из наиболее разработанных концепций свободы является экзистенциальная концепция Н. А. Бердяева. Бердяев различает три вида свободы. Первичная свобода иррациональна, представляет собой свободу принять или не принять истину. Поэтому ответственность за добрые и злые последствия такой свободы несет только человек. Бог лишь способствует тому, чтобы воля человека направлялась в сторону добра и проявлялась в нем. И само зло возникает, когда человек в гордыне своей отпадает от Бога и в своей иррациональной свободе стремится поставить себя на его место. Второй вид свободы - это свобода, "проистекающая из истины и из Бога, свобода, проникнутая благодатью". Она рациональна, ибо предполагает свободу человека познать высшее добро и идти к нему, понимание человеком силы морального закона и осознание им необходимости исполнения своего нравственного долга, своей ответственности перед собой и человечеством. Третий вид свободы - любовь к Богу. Преображение, совершенствование человека возможно только путем восхождения к такой свободе. Их нельзя достичь принудительно. Это свободное совместное действие человека и Бога. Она поэтому предполагает и требует ответственности человека и перед Богом. Таким образом, проблема свободы у Бердяева неотделима от проблемы ответственности человека перед самим собой за свой выбор, перед обществом и человечеством и перед Богом [3, с. 53].

Ответственность, чтобы стать результативной, должна быть индивидуальной ответственностью. В свободном обществе не может быть коллективной ответственности как таковой, ибо это означает безответственность. К сожалению, принцип коллективной ответственности очень часто используется постсоветскими элитами. Для того чтобы быть результативной, ответственность должна быть ограничена настолько, чтобы побудить индивидуума опираться только на свои собственные знания в решении важности разных задач, применить свои моральные принципы к ему известным обстоятельствам и помочь добровольно смягчить конфликт старых и новых ценностей переходных обществ. С позицией о соотношении свободы и ответственности, согласиться возможно, поскольку ключевым понятием гражданского общества в целом выступает свобода как условие и способ человеческого самоосуществления, отягощенного мерой персональной ответственности. Гражданское общество есть важнейшая составляющая демократического государства. Степень развития гражданского общества отражает уровень развития демократии.

Список использованной литературы:

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1990. С. 368.
2. Бердяев Н. А. Истина и откровение. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996.- 384с.
3. Ермичев А.А. Три свободы Николая Бердяева. М.: Знание, 1990. - 64с.

© И. Ю. Полумеева, 2015

УДК 347.736.4

Е.С. Пчёлкина
ст. преподаватель кафедры коммерческого, предпринимательского
и финансового права Юридического института
Сибирского федерального университета
г. Красноярск, Российская Федерация

К ВОПРОСУ О ПОСЛЕДСТВИЯХ ВВЕДЕНИЯ НАБЛЮДЕНИЯ КАК ОДНОЙ ИЗ ПРОЦЕДУР БАНКРОТСТВА

В соответствии с абзацем вторым пункта 1 статьи 63 Закона о банкротстве с даты вынесения судом определения о введении наблюдения требования кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, за исключением текущих платежей, могут быть предъявлены должнику только с соблюдением установленного Законом о банкротстве порядка предъявления требований к должнику. К указанным требованиям относятся и требования, подтвержденные исполнительными документами.

Как указано в п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 N 59 "О некоторых вопросах практики применения Федерального закона "Об исполнительном производстве" в случае возбуждения дела о банкротстве" [1] при рассмотрении соответствующих споров, в частности споров о признании не подлежащими исполнению исполнительных и иных документов, о признании недействительными сделок должника, влекущих преимущественное удовлетворение требований одних кредиторов перед другими, о привлечении руководителя должника или арбитражного управляющего к ответственности за причинение убытков, судам надлежит исходить из того, что по смыслу приведенной нормы удовлетворение должником требований отдельных кредиторов, в том числе по инициативе самого должника, противоречит положениям Закона о банкротстве.

При применении абзаца второго пункта 1 статьи 63 Закона о банкротстве судам также следует иметь в виду, что кредиторы, а также уполномоченные органы, представляющие в деле о банкротстве требования Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований по денежным обязательствам, не вправе в порядке, установленном частью 1 статьи 8 Федерального закона "Об исполнительном производстве", направлять выданные судами и другими органами исполнительные документы о взыскании денежных средств непосредственно в банк или иную кредитную организацию, в которых открыты счета должника.

В случае нарушения банком положений абзаца второго пункта 1 статьи 63 Закона о банкротстве должник в процедуре наблюдения или финансового оздоровления либо внешний или конкурсный управляющие в последующих процедурах могут потребовать от него возмещения убытков, причиненных неправомерным списанием денежных средств со счета должника, и применения иных санкций в соответствии с законодательством. При разрешении таких споров судам необходимо иметь в виду, что нарушение со стороны банка отсутствует, если он произвел списание денежных средств со счета должника на основании представленных взыскателем документов, в которых содержатся сведения, позволяющие отнести требования взыскателя к текущим платежам либо к требованиям, по которым исполнение не приостанавливается. Таким образом, должником не могут быть взысканы с банка суммы, списанные последним со счета должника в порядке исполнения направленного взыскателем исполнительного или иного документа о взыскании денежных средств, в ситуации, когда взыскатель неверно указал соответствующие данные. При этом судам следует учитывать, что в подобных случаях ответственность за списание денежных

средств со счета должника с нарушением установленного законом порядка несет взыскатель.

Кроме того, п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 N 59 "О некоторых вопросах практики применения Федерального закона "Об исполнительном производстве" в случае возбуждения дела о банкротстве" устанавливаются требования, по которым исполнительное производство не приостанавливается: требования по спорам, касающимся защиты владения или принадлежности имущества, в том числе об истребовании имущества из чужого незаконного владения (статья 301 ГК РФ), о прекращении нарушений права, не связанных с лишением владения (статья 304 ГК РФ), об освобождении имущества от ареста (исключении из описи), а также требования о пресечении действий, нарушающих исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации или создающих угрозу его нарушения (подпункт 2 пункта 1 статьи 1252 ГК РФ), об изъятии и уничтожении контрафактных материальных носителей, в которых они выражены, либо оборудования, прочих устройств и материалов, главным образом используемых или предназначенных для совершения нарушения исключительных прав на них (пункты 4 и 5 статьи 1252 ГК РФ), об изъятии или конфискации орудий и предметов административного правонарушения и т.п.

Касаемо личности индивидуального предпринимателя-должника, в п. 31 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 N 51 "О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей" [2] указано, что введение в отношении предпринимателя-должника процедур наблюдения или конкурсного производства не ограничивает возможности предъявления в исковом производстве требований, неразрывно связанных с личностью кредитора. Исполнительное производство по данным требованиям также не подлежит приостановлению при введении наблюдения в отношении должника в исполнительном производстве.

Также в п. 30 указанного постановления говорится, что предусмотренные абзацем вторым пункта 1 статьи 63 и абзацем седьмым пункта 1 статьи 126 Закона о банкротстве нормы о возможности предъявления в процедурах наблюдения и конкурсного производства требований только в рамках дела о банкротстве распространяются в том числе на требования к индивидуальному предпринимателю-должнику по делу о банкротстве, не связанные с предпринимательской деятельностью (с учетом особенностей для требований, неразрывно связанных с личностью кредитора, указанных в пункте 31 настоящего Постановления). До окончания дела о банкротстве эти требования не могут заявляться в отдельном исковом производстве.

Если по названным требованиям было возбуждено исполнительное производство, то надлежит руководствоваться следующим. По смыслу абзаца четвертого пункта 1 статьи 63 Закона о банкротстве, пункта 5 части 1 статьи 40 и части 1 статьи 96 Закона об исполнительном производстве исполнительное производство по таким требованиям не может осуществляться в период процедуры наблюдения и считается приостановленным с даты вынесения определения о введении наблюдения. Поскольку целью приостановления исполнительного производства в данном случае является недопущение изъятий из будущей конкурсной массы, а также в связи с тем, что упомянутые требования сами по себе подлежат исполнению по завершении дела о банкротстве, указанное исполнительное производство приостанавливается до завершения дела о банкротстве.

Имеется также разъяснения, касающиеся процессуальной стороны последствий введения процедуры наблюдения. Так, в п. 27 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 N 35 "О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве" [3] указано, что все исковые заявления о

взыскании с должника долга по денежным обязательствам и обязательным платежам, за исключением текущих платежей и неразрывно связанных с личностью кредитора обязательств должника-гражданина, поданные в день введения наблюдения или позднее во время любой процедуры банкротства, подлежат оставлению без рассмотрения на основании пункта 4 части 1 статьи 148 АПК РФ. Однако рассмотрение таких исковых заявлений и принятие по ним решения по существу само по себе не препятствует в дальнейшем включению соответствующего требования в реестр с учетом абзаца третьего пункта 1 статьи 142 Закона о банкротстве и пункта 24 настоящего постановления.

В Постановлении Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 N 58 "О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя" установлено, что в силу частей 1 и 4 статьи 96 Федерального закона от 02.10.2007 N 229-ФЗ "Об исполнительном производстве" [4] исполнительное производство по взысканию задолженности по текущим платежам в процедурах наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления не приостанавливается, в процедуре конкурсного производства не оканчивается.

На этом основании в случае, если требования кредитора по текущим обязательствам обеспечены залогом имущества должника, обращение взыскания по требованию данного кредитора на предмет залога и его реализация в порядке исполнения соответствующего решения суда осуществляется вне рамок дела о банкротстве, независимо от проводимой в отношении должника процедуры банкротства. При распределении выручки от продажи заложенного имущества очередность, установленная пунктом 2 статьи 134 Закона о банкротстве, не применяется.

Если же один предмет залога обеспечивает исполнение и конкурсных, и текущих требований, то его реализация и погашение требований залоговых кредиторов производится конкурсным управляющим в порядке, предусмотренном Законом о банкротстве.

В п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 N 60 "О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 N 296-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" [5] разъяснено следующее: исходя из положений абз. 5 п. 1 ст. 4, п. 1 ст. 5 Закона и п. 3 комментируемой статьи текущими являются только денежные обязательства и обязательные платежи, возникшие после возбуждения дела о банкротстве; в связи с этим денежные обязательства и обязательные платежи, возникшие до возбуждения дела о банкротстве, независимо от срока их исполнения не являются текущими ни в какой процедуре; если денежное обязательство или обязательный платеж возникли до возбуждения дела о банкротстве, но срок их исполнения должен был наступить после введения наблюдения, то такие требования по своему правовому режиму аналогичны требованиям, срок исполнения по которым наступил на дату введения наблюдения, поэтому на них распространяются положения новой редакции Закона о требованиях, подлежащих включению в реестр; указанные требования подлежат предъявлению только в деле о банкротстве в порядке, определенном ст. ст. 71 и 100 Закона, а в случае предъявления иска о взыскании соответствующей задолженности в общем порядке, предусмотренном процессуальным законодательством, суд оставляет исковое заявление без рассмотрения на основании ч. 4 ст. 148 АПК РФ.

В судебной практике касаемо ограничений по распоряжению имуществом должника наиболее распространена позиция, согласно которой с момента введения

наблюдения в отношении должника снимаются ограничения по распоряжению имуществом, в т.ч. денежными средствами на счетах в банках [6, 7, 8].

Так, суд удовлетворил заявление организации о признании недействительным решения налогового органа о приостановлении операций по расчетному счету организации, указав, что обязательность снятия арестов и иных ограничений по распоряжению имуществом должника, установленная в статье 63 Закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ, предполагает и запрет на принятие актов по наложению новых ограничений по распоряжению имуществом должника [9, 10].

Также встречается иная позиция, согласно которой норма ст. 63 Закона о банкротстве не содержит запрета на применение или сохранение обеспечительных мер в виде ареста на денежные средства или иное имущество должника, в отношении которого введена процедура наблюдения [11].

Таким образом, несмотря на закрытый перечень последствий вынесения арбитражным судом определения о введении наблюдения, содержащийся в статье 63 Закона о банкротстве, в судебной практике до сих остаются вопросы, которые следует решить путем внесения изменений в указанную статью Закона о банкротстве.

Список использованной литературы:

1. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 N 59 "О некоторых вопросах практики применения Федерального закона "Об исполнительном производстве" в случае возбуждения дела о банкротстве" // СПС «Консультант-плюс».

2. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 N 51 "О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей" // СПС «Консультант-плюс».

3. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 N 35 "О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве" // СПС «Консультант-плюс».

4. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 N 58 "О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя"// СПС «Консультант-плюс».

5. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 N 60 "О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 N 296-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" // СПС «Консультант-плюс».

6. Определение Третьего арбитражного апелляционного суда от 01.08.2012 по делу N А74-462/2012 // СПС «Консультант-плюс».

7. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 27.12.2010 по делу N А29-6101/2010 // СПС «Консультант-плюс».

8. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.02.2010 N 17АП-292/2010-АК по делу N А50-34885/2009 // СПС «Консультант-плюс».

9. Постановление ФАС Поволжского округа от 04.08.2011 N А12-24579/2010 // СПС «Консультант-плюс».

10. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 08.08.2011 по делу N А19-6443/2011 // СПС «Консультант-плюс».

11. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.06.2012 по делу N А68-11505/2011 // СПС «Консультант-плюс».

© Е.С. Пчёлкина, 2015

УДК 343.1

О.А. Решняк
преподаватель кафедры организации
следственной работы УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России

АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 21 ОКТЯБРЯ 2014 ГОДА № 25-П

21 октября 2014 года Конституционным Судом Российской Федерации вынесено постановление № 25-П, в котором рассмотрены на предмет соответствия основному закону России норм частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ).

В заседании Конституционный Суд России пришел к выводу о несоответствии указанных норм Конституции РФ, ее статьям 35 (части 1-3), 46 (часть 3) в той мере, в какой этими положениями в системе действующего правового регулирования не предусматривается надлежащий правовой механизм, применение которого - при сохранении баланса между публично-правовыми и частноправовыми интересами - позволяло бы эффективно защищать в судебном порядке права и законные интересы лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или гражданскими ответчиками по уголовному делу, право собственности которых ограничено чрезмерно длительным наложением ареста на принадлежащее им имущество, предположительно полученное в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого [1].

По смыслу части третьей статьи 115 УПК РФ арест на имущество, находящееся в собственности иных лиц, может быть наложен в тех случаях, если имеются достаточные основания полагать, что оно было приобретено в результате преступных действий подозреваемого или обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в отдельных видах преступной деятельности или для ее финансирования [2].

Согласно статьям 2, 8, 18, 34, 35 части 1-3, статье 46 части 1 и 2, статье 118 части 2, статье 128 части 3 Конституции Российской Федерации в нашем государстве гарантируется свобода экономической деятельности, признаются и защищаются равным образом все формы собственности. Право собственности, относящееся к основным правам человека, подлежит защите со стороны государства и вместе с другими правами и свободами человека и гражданина определяет смысл, содержание и примечание законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивается правосудием.[3]

Конституционный Суд Российской Федерации ссылается на то, что в силу основных принципов верховенства права и юридического равенства вмешательство государства в отношения собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и условиями защиты прав личности.

Не смотря на то, что Конституционный Суд Российской Федерации вступил на защиту прав граждан, на имущество которых налагается арест, не со всеми положениями данного постановления можно согласиться в полном объеме. Реализация вышеуказанных предписаний на практике приведет к значительному затягиванию сроков расследования преступлений на досудебной стации.

Так, постановлением Конституционного Суда Российской Федерации были обнародованы предложения о внесении изменений в законодательство о порядке

наложения ареста на имущество и сроке такого ареста. То есть срок действия ареста на имущество подозреваемых, обвиняемых и иных лиц не должен превышать разумные и установленные законом сроки предварительного расследования. При необходимости срок действия данной меры может быть продлен судом. То есть, согласно положениям Конституционного суда РФ, следователь каждый раз для продления срока наложения ареста на имущество, должен будет выходить в суд с ходатайством и представлять документы подтверждающие обоснованность своего ходатайства.

Полагается, что реализация в практической деятельности рассматриваемого решения Конституционного суда РФ приведет к значительному увеличению объема работы следователя, создаст дополнительные сложности с применением наложения ареста на имущество иных лиц, если данное имущество добыто преступным путем подозреваемым, обвиняемым.

Для указанных действий следователь соответственно затратит часть служебного времени, поскольку процедура выхода с ходатайством в суд своеобразна и достаточно трудоемка. По нашему мнению, если следователь обоснованно, подтвержденными доказательствами полагает о противоправности способа приобретения имущества подозреваемым, обвиняемым или иными лицами, и с разрешения суда наложил арест на данное имущество, то смысл в продлении срока указанной меры процессуального принуждения отсутствует, так как данное постановление вынесенное судом считается юридически значимым, обоснованным и законным документом. В случае, если основания, по которым данная мера процессуального принуждения была применена, отпали, следователь выносит постановление о снятии ареста на арестованное имущество.

Кроме того, хотелось бы заострить внимание на такой проблеме, с которой следователи часто сталкиваются на практике, как наложение ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или других лиц, если имеются достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий указанных лиц, либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо финансирования отдельных видов преступной деятельности. То есть, по смыслу статьи 115 УПК РФ арест может быть наложен лишь на то имущество, в отношении которого у органов предварительного следствия имеются достаточные, подтвержденные в полном объеме доказательствами, основания считать, что данное имущество приобретено посредством преступной деятельности подозреваемого, обвиняемого, либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления и т.д.

Так, в ходе расследования уголовного дела следователь с согласия руководителя следственного органа, выходит с ходатайством в суд о наложении ареста на имущество, имеющееся в собственности иных лиц, если у него есть достоверные полные и достаточные основания предполагать, что данное имущество получено преступным путем. Конституционный Суд Российской Федерации предлагает данный арест налагать на предельно разумный срок, не превышающий срок предварительного следствия, в ходе которого исследуются данные позволяющие оценить, на самом деле ли арестованное имущество добыто у лица, не имевшего права его отчуждать (о чем приобретатель не знал и не мог знать), знал (или должен был) собственник арестованного имущества, что оно получено в результате преступления, причастен ли он к нему, на каком основании (возмездно или безвозмездно) приобретено имущество. Данная позиция является спорной, поскольку суд при вынесении постановления учитывал все основания, по которым он принял решение об удовлетворении ходатайства следователя о наложении ареста на имущество и предполагается, что дополнительного срока для установления еще каких-то доказательств о характере добытого имущества в этом случае не целесообразно.

Так же хотелось бы уделить внимание такому немало важному аспекту как основания, по которым применяется рассматриваемая мера процессуального принуждения. В законодательстве определено, что для решения вопроса о наложении ареста на имущество, следователь должен предоставить суду материалы, в которых содержатся основания, предусмотренные статьей 115 УПК РФ. Тем не менее, в самом тексте статьи 115 УПК РФ основания, которые могут побудить суд принять решение об удовлетворении ходатайства следователя, четко не сформулированы. Получается, что законодатель в ст. 115 УПК РФ указал на необходимость предоставления оснований для принятия решения судом о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого и других лиц, обосновывающие предположения следствия о получении имущества указанных лиц преступным путем, и необходимости наложения на него ареста, а процессуальных средств реализации правовых предписаний не предусмотрел. То есть следователь должен «придумать» сам те основания, которые являются действительно важными, полными и достаточными для удовлетворения ходатайства о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого и других лиц, если это имущество приобретено преступным путем.

Список использованной литературы:

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П город Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс»,2014.
2. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс», 2014.
3. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Рос. газ. - 1993. - № 237.

© О.А. Решняк, 2015

УДК 347

И.А. Сарычев
Доцент кафедры гражданского права и процесса
Филиал ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет» в г. Сочи Краснодарского края
г. Сочи, Российская Федерация

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Проприетарная концепция прав на результаты интеллектуальной деятельности нашла свою поддержку у российского законодателя XIX века. Отождествляя права создателя на достигнутый творческий результат с правом собственности лица, создавшего

материальный объект, в России право субъекта интеллектуальных правоотношений трактовалось именно как право собственности, а предпринимателям предоставлялась возможность не только «покупать» авторское право на произведение, но и становиться собственником всего будущего творчества автора [1, с. 8].

Г.Ф. Шершеневич, комментируя отношения в сфере интеллектуальной деятельности, писал, что российское законодательство, следуя господствовавшему в прежние времена взгляду теории, признает все подобные правоотношения не самостоятельными, а входящими в состав вещных прав и считает их особым видом права собственности. Но «взгляд этот не может быть признан ввиду различия объектов», поскольку распространять понятие о вещных правах на права, не имеющие своим объектом вещи, представляется теоретически неудобным. Г.Ф. Шершеневич считал, что порядок возникновения, перехода, прекращения вещных прав рассчитан именно на материальное их содержание и поэтому распространение этих правил на совершенно иную область может создать нежелательное смешение понятий в теории и практике.

Противники применения теории «интеллектуальной собственности» по отношению к результатам интеллектуальной деятельности считают, что права на объекты интеллектуальной деятельности не могут быть точно описаны классической триадой правомочий, характерных для субъективного права собственности, поскольку последние отражают материальный характер объекта, его ограниченность в пространстве. Как справедливо замечает В.О. Калятин, «неэффективным оказывается поиск сходства правомочий собственника и обладателя прав на результаты интеллектуальной деятельности. Ведь аналогии не являются эффективным приемом» [2, с. 4].

Наиболее влиятельным противником проприетарной концепции был профессор В.А. Дозорцев. Хотя право собственности, согласно его мнению, и является «идеальной юридической основой для операции с вещью на рынке», для введения в экономический оборот результатов интеллектуальной деятельности оно не годится. В качестве основного аргумента указанный ученый приводит нематериальный характер результата интеллектуальной деятельности. Он замечает, что «исключительное право имеет особое содержание, отличающее его от абсолютных прав. Исключительность состоит не в том, что право принадлежит исключительно одному лицу, а в том, что оно закрепляется исключительно за лицом (лицами), определенным законом, и по основаниям, им установленным» [2, с. 297].

Анализ новых положений ГК РФ свидетельствует о победе противников термина «интеллектуальная собственность», обозначающего субъективные права на результаты интеллектуальной деятельности. В соответствии с новыми положениями субъективные права на результаты интеллектуальной деятельности называются интеллектуальными правами. Действительно, аргументы против использования категории «интеллектуальная собственность» в субъективном смысле более чем убедительные. В этом случае говорить о праве интеллектуальной собственности в объективном смысле безусловно нельзя.

Считаем, что все изложенные аргументы против «интеллектуальной собственности» могут использоваться и в этом случае. А какая категория заменит право интеллектуальной собственности в объективном смысле? В научной литературе этот вопрос не обсуждался. Раздел VII ГК РФ назван «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации». Представляется, что такое название нельзя считать удачным. Очевидно, что слово «право» используется в субъективном смысле, в то время как в названиях остальных разделов это понятие имеет объективное значение («Право собственности», «Обязательственное право», «Наследственное право», «Международное частное право»).

Представляется, что система правовых норм, регулирующих отношения по поводу результатов интеллектуальной деятельности вполне может называться интеллектуальным правом. В этой связи предлагается внести изменение в ГК РФ, назвав раздел VII «Интеллектуальное право».

На основании изложенного, логическим является вывод, что авторское право следует рассматривать в качестве института интеллектуального права, которое, в свою очередь, является подотраслью гражданского права.

При исследовании вопросов, связанных с определением места авторского права в правовой системе, хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство. Традиционно отечественная доктрина объединяет нормы, посвященные регулированию отношений по поводу произведений и нормы, регулирующие отношения по поводу объектов смежных прав в единый правовой институт. Например, А.П. Сергеев применяет термин авторское право в широком значении, «с включением в это понятие смежных прав, примыкающих к авторскому праву», указывая на теснейшую зависимость возникновения и осуществления смежных прав от прав авторов творческих произведений [3, с. 20]. При этом отмечается, что данный подход обусловлен, в том числе и сложившейся в данной области системой источников. В этой связи, вызывает интерес позиция законодателя, который выделил нормы, посвященные смежным правам в отдельную главу ГК РФ (глава 71 ГК РФ «Права, смежные с авторскими»).

Представляется, что данное решение вполне обоснованно. Во-первых, расширился круг объектов смежных прав. К существовавшим ранее исполнениям, фонограммам, сообщениям программ эфирного и кабельного вещания добавились содержание баз данных и произведения науки, литературы и искусства обнародованные после их перехода в общественное достояние. Во-вторых, система норм, закрепляющих смежные права, усложнилась (в частности, существенно возросло количество этих норм). Исходя из этого представляется актуальным сегодня вопрос о выделении смежных прав в отдельный институт интеллектуального права.

Список использованной литературы:

1. Гаврилов Э.П. Авторское право. Издательский договор. Авторский гонорар. М., 1988.С.8.
2. Дозорцев В.А. Понятие исключительного права// Проблемы современного гражданского права:Сб. статей.М., 2000.С. 297.
3. Калятин В.О. Интеллектуальная собственность (исключительные права). М., 2003.С.4.
4. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности Российской Федерации. М., 2000.С. 20.

© И.А.Сарычев, 2015

УДК 347

И.А. Сарычев
Доцент кафедры гражданского права и процесса
Филиал ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет» в г. Сочи Краснодарского края
г. Сочи, Российская Федерация

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Видимо, не найдется среди российских цивилистов ученого, в работах которого не отразилась бы в той или иной степени проблематика дуализма частного права. Основной

вопрос для исследователя: следует ли отождествлять понятия частного и гражданского права, признавать, что частное право исчерпывается гражданским правом, или же гражданское право следует рассматривать как элемент частного права, наряду с другим самостоятельным элементом - предпринимательским (торговым) правом? Ответ на этот вопрос во многом предопределяет систему права и, прежде всего, систему законодательства, а именно, оправданность и целесообразность существования Предпринимательского (Торгового) кодекса наряду с Гражданским кодексом РФ.

На современном этапе сложились две основные системы правовой регламентации предпринимательской деятельности. Первая состоит в том, что предпринимательские (торговые) отношения регламентированы гражданским законодательством, как это в частности осуществляется в Швейцарии, Нидерландах, Италии. Вторая система исходит из того, что предпринимательские (торговые) отношения регламентированы специальным кодифицированным актом – Торговым кодексом. Такая система применяется, к примеру, во Франции, Испании, Германии, Португалии, Японии, Украине.

При анализе механизмов правового регулирования право рассматривается как регулятор общественных отношений. Государственное воздействие на процессы функционирования общества, в том числе предпринимательскую деятельность, обусловливается выполнением определенных функций государства - внутренних и внешних.

Экономическое развитие России в последние два десятилетия основывалось на исключительном использовании рыночных механизмов, недостаточном использовании государственного регулирования. Саморегулирование рынка вызвало значительный спрос в отдельных его сегментах и отсутствие предложений на рынке. Но в то же время подчеркнуло насущную необходимость существования правовых механизмов государственного регулирования хозяйственных (предпринимательских) отношений [1, с. 111].

Говорить о перспективах государственного регулирования экономических отношений в России необходимо с учетом мирового опыта. Примером является Китай с его государственной монополизацией хозяйства. Однако при этом в экономике Поднебесной предложение определяет спрос, что представляется очень важным. Достаточно посмотреть на Францию, которая на основе государственного регулирования поддерживает фермерство и другие сектора экономики. Можно считать это примером правильного и рационального соотношения государственного регулирования и саморегулирования рынка. Вывод о насущной необходимости реализации на практике смешанной экономики [2, с. 45], которая сочетает в себе механизмы рыночной системы и разумного государственного регулирования, не вызывает сомнений. От рационального регулирования экономики зависит эффективность и объем иностранных инвестиций, внедрение ноу-хау, внедрение нанотехнологий в различных сегментах хозяйства, развитие конкурентной среды. Мы не ставим под сомнение значение перехода к рыночным отношениям. Однако целесообразно раскрыть некоторые аспекты, которые охарактеризовали бы предпринимательское и коммерческое право как совокупность и систему норм, создающих объективно необходимые предпосылки для эффективного и рационального развития предпринимательства в современной России.

Регулирование предпринимательским правом отношений, связанных с созданием и регистрацией субъектов предпринимательской деятельности, внутрикорпоративных отношений, вопросов лицензирования предпринимательской деятельности, технического регулирования, тарифного регулирования и квотирования, конкурентных отношений, безусловно, не входят в традиционные границы регулирования Гражданского кодекса РФ.

Весьма справедливо звучит утверждение профессора Рудольфа фон Иеринга, что право существует для общества, а не общество для права [3, с. 309]. В этой связи необходимо

отметить появление на уровне закона новых организационно-правовых форм предпринимательства, института банкротства, института договоров участия в долевом строительстве, института концессионных соглашений, активное применение в коммерческой деятельности соглашений о разделе продукции, правовая сущность которых не отражена в полной мере в положениях Гражданского кодекса РФ и гражданского законодательства в целом. В этом контексте объяснения ортодоксальных цивилистов указанным новым институтам предпринимательского права, что все более поздние законы должны соответствовать и не противоречить Гражданскому кодексу РФ, очевидно, вступают в противоречие с основными принципами системы источников права. Известно, что специальный закон, а также закон, принятый позднее Гражданского кодекса, имеют приоритет в применении.

Активные и острые дискуссии по вопросу необходимости принятия комплексного кодифицированного акта, адекватно регулирующего предпринимательские отношения, после анализа большого объема нормативных актов в сфере предпринимательства, приводят к неизбежному выводу о значительной технической сложности принятия такого кодекса. Необходимо наряду с Гражданским кодексом РФ разработать и принять предпринимательский кодекс. Эти кодифицированные нормативные акты должны приниматься с тем учетом, что они бы дополняли друг друга, а не противопоставляли [4, с. 20]. Чтобы создать предпринимательский кодекс научного волеизъявления недостаточно. Необходима еще политическая воля руководства страны, так как в работе должны принять участие все ветви власти, различные общественные организации.

Список использованной литературы:

5. Сарычев И.А. К вопросу о кодификации законодательства. В сборнике: Наука и практика: мировые, российские и региональные тенденции развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Сочи – Ставрополь, 2014. С. 111.

6. Шишкин С.Н. Предпринимательско-правовые (хозяйственно-правовые) основы государственного регулирования экономики: Монография. М.: Инфотропик Медия, 2011, С 45.

7. Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1 / Пер. с нем. В.Р. Лицкого, В.Н. Муравьева, Н.В. Дерюжинского; Под ред. В.Р. Лицкого. Санкт-Петербург: Издание Н.В. Муравьева, 1881. С. 309.

8. Андреев В.К. О Концепции развития законодательства о предпринимательской деятельности // Российский судья, 2010. N 9. С. 20 .

© И.А.Сарычев, 2015

УДК 343.1

А.И. Терегулова, аспирант Института Права БашГУ, г. Уфа, РБ

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕЛИНКВЕНТОВ ВО ФРАНЦИИ

Романо-германское право, к которому непосредственно относится французское законодательство, наиболее близко к российской законодательной системе. В силу этого французский опыт построения правосудия в отношении несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом, для нас представляет особый интерес.

Современное французское производство в отношении несовершеннолетних обвиняемых основано на Ордонансе от 2 февраля 1945 года, в соответствии с которой возрастом наступления уголовной ответственности во Франции является 13 лет. Однако, следует подчеркнуть, что в особых случаях меры воздействия могут применяться в отношении детей с 10-летнего возраста[7].

Показательно, что в системе французской юстиции в отношении несовершеннолетних, совершивших противоправное деяние, прокурор играет одну из наиболее значимых ролей. Одной из функций прокурора является выведение несовершеннолетнего из системы уголовного правосудия, если правонарушение не затрагивает интересы общества. Он вправе снять обвинения с молодого человека без применения воспитательных мер, может направить письменное предупреждение или наложить обязательство явиться к помощнику прокурора(rappel a la loi). Кроме того, прокурор имеет возможность влиять на ход дела: именно он организует комплектование в деле всех основных предварительных материалов, позволяющих суду провести судебное разбирательство. Проведение неотложных следственных действий дает прокурору юридическую базу как для передачи дела в суд, так и для его прекращения[5, с.156]. Собрав информацию от социальных работников, полиции, частных лиц, прокурор соответствующего судебного округа передает для исполнения материалы судье по делам несовершеннолетних[1, с.120].

Центральная роль в системе уголовного правосудия Франции также отведена следственному судье. Он отвечает за полное и беспристрастное расследование уголовного дела, самостоятельно решает вопрос о привлечении экспертов и свидетелей.

Французский уголовный процесс предусматривает специальное социальное исследование в делах несовершеннолетних и формирование на его базе так называемого второго досье несовершеннолетнего, где собраны все социальные и психологические характеристики самого несовершеннолетнего и его деяния, а также окружающей его микросреды. Это исследование по французскому законодательству является обязательным процессуальным требованием. Социальные службы, исследующие условия жизни и воспитания несовершеннолетнего делинвента, (SEAT – Service Educatif Aupres du Tribunal pour enfants) являются частью суда[7]. «Социальное исследование» судья может проводить сам, но большей частью поручает его чиновникам службы пробации, которые, в свою очередь, используют помощь психологов, психиатров, специалистов в области образования. Возможно и помещение подростка в центр наблюдения для более глубокого изучения его личности и дачи рекомендаций судье по выбору режима обращения. Однако этот последний метод социального исследования больше применяется в трибунале по делам несовершеннолетних, когда рассматриваются дела о более серьезных проступках. Социальное исследование предполагает посещение лицами, его производящими, семьи подростка для выяснения условий его жизни и воспитания[5, с.156].

Неотъемлемым правом несовершеннолетнего, попавшего в орбиту уголовного правосудия, является право на представление своих интересов защитником. Более того, во Франции защитник вступает в процесс на самых ранних стадиях расследования. С первого допроса молодой человек имеет право на правовую помощь. В случае отказа несовершеннолетнего от данного права, его родители могут ходатайствовать самостоятельно о назначении адвоката. Если несовершеннолетний или его законные представители не наняли адвоката, прокурор, судья, ведущий следствие, или офицер судебной полиции должны незамедлительно и любым способом проинформировать об этом, в момент задержания, председателя коллегии адвокатов для того, чтобы тот назначил адвоката[3, с.48].

Законодательным нововведением во Франции является право несовершеннолетнего сохранять молчание во время допроса. Кроме того, до начала допроса несовершеннолетний имеет право на консультацию с защитником наедине. Процесс допроса должен быть видео зафиксирован[6]. Очевидно, что данная практика может представлять интерес и для российского уголовного судопроизводства.

Во Франции участие законных представителей в уголовном процессе обязательно. Законные представители имеют право представлять интересы несовершеннолетнего на всех стадиях уголовного судопроизводства.О задержании несовершеннолетнего должны быть уведомлены его законные представители и врач. Представляется интересным, что несовершеннолетние, не достигшие возраста 16 лет, до задержания в обязательном порядке должны быть осмотрены врачом, назначенным следственным судьей или прокурором. Если несовершеннолетние старше 16 лет, их родители должны быть проинформированы о праве на производство медицинского осмотра своего ребенка[7]. В случае задержания подростка, т. е. возникновения конфликта подростка с законом или возможности такового, информация об этом сразу передается специальному органу: либо ювенальному прокурору, имеющемуся при больших ювенальных судах, либо обычному прокурору в небольших судах, которые встречаются с ним и связываются с ювенальным судьей, чтобы решить, изъять ли несовершеннолетнего из семьи, поместить под воспитательный надзор или во временное заключение[1, с.123]. Считаем данную практику достойной внимания отечественного законодателя, поскольку дополнительный контроль со стороны правоохранительных органов является одной их мер по обеспечению процессуальных прав несовершеннолетнего, попавшего в орбиту уголовного правосудия.

Несовершеннолетний, согласно французскому законодательству, имеет право на ограничение гласности. В частности, процесс в отношении несовершеннолетнего делинквента должен носить конфиденциальный характер. Кроме того, ювенальный судья имеет право уничтожать данные о несовершеннолетнем преступнике через 3 года, если он не совершит повторного преступления[8, с.134].

В соответствии с Ордонансом, прокурор, следственный судья и суд первой инстанции вправе использовать восстановительные процедуры в интересах потерпевшего или общества. Обязательным условием применения таких процедур является получение согласия самого несовершеннолетнего и лиц, осуществляющих в отношении него родительские права. Одной из альтернативных мер является «ознакомление с законом», которое предусматривает официальную беседу с несовершеннолетним и его родителями. Несовершеннолетнего знакомят с текстом закона, предусматривающим ответственность за совершенное им правонарушение, объясняют противоправность совершенного им деяния и рассказывают о возможной мере наказания, которую суд может назначить за его совершение. Особое внимание уделяется разъяснению родителям их обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и последствий их ненадлежащего исполнения[2, с.60].

Отношение ученых к французскому законодательству в области обеспечения прав несовершеннолетних обвиняемых в современный период неоднозначно. С одной стороны, французская система правосудия в отношении несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом, признается показательной и рассматривается в качестве примера для других стран[2, с.59], с другой стороны, ученые свидетельствуют о крахе современной ювенальной юстиции во Франции[4].

Подводя итоги, приходим к выводу о том, что некоторые нормы законодательства Франции в области обеспечения прав несовершеннолетних обвиняемых,(например, нормы о видеофиксации допроса и пр.) могут быть внедрены в российское законодательство.

Список использованной литературы:

1. *Автономов, А.С. Ювенальная юстиция*: учебное пособие / А.С. Автономов. - М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН), 2009. — 186 с.
2. Коновалова, И. А. Опыт борьбы с преступностью несовершеннолетних в Европе и США /И. А. Коновалова.//Адвокат. -2007. - № 12. - С. 59 – 69
3. Кудрявцева, Н.И. Ювенальная юстиция в России и Франции: сравнительная характеристика : учеб.-метод. пособие / Н. И. Кудрявцева. - Курск : Регион. открытый социал. ин-т, 2003. - 106 с.
4. Марковичева, Е.В. Актуальные проблемы современной уголовно-процессуальной политики//Дружественное к ребенку правосудие и проблемы ювенальной уголовной политики: материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Верховного суда Республики Бурятия (г. Улан-Удэ, 3-4 октября 2013 г.) / науч. ред. Э.Л. Раднаева. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2013
5. Мельникова, Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учебное пособие/Э.Б.Мельникова. 2-е изд., испр., доп. — М.: Дело, 2001. — 272 с.
6. Hazel, Neal, Cross-National Comparison *of* Youth Justice, London*:* Youth Justice Board, 2008.
7. Rap, S.E. The Participation of Juvenile Defendants in the Youth Court: A Comparative Study of Juvenile Justice Procedures in Europe. Amsterdam: Pallas Publications, 2013 (Dissertation)
8. Zalkind Paola. Global perspectives on social issues : juvenile justice systems / by Paola Zalkind and Rita J. Simon. Lexington Books,2004. 199 p.

© А.И. Терегулова, 2015

УДК 613.83

Ю.А.Хамидуллина
студентка V курса Елабужского Института Казанского (Приволжского) Федерального Университета, г.Елабуга, Российская Федерация

УПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКОГО СРЕДСТВА СИНТЕТИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РФ

Синтез растительных наркотиков начался еще в 60-е годы прошлого века, значительная часть этих препаратов была создана в середине 90-х годов. Самый известный из них JWH-018. По сути, это синтетическая марихуана, но с гораздо более сильным галлюциногенным эффектом и тяжелыми последствиями, вплоть до летального исхода, в зависимости от вариантов формулы.

На сегодняшний день самый распространенный вид новых наркотиков – синтетические курительные смеси, так называемые спайсы. Спайсы долгое время были фактически легальны, запретили их совсем недавно. За период легального существования этих веществ торговцы наладили каналы снабжения и распространения. Поэтому в ближайшее время запрет, вряд ли существенно повлияет на уровень потребления, во всяком случае, пока эффекта не наблюдается.

Судя по тому, что пишут ученые, в основе этих наркотиков лежат синтетические каннабиноиды, вещества, аналогичные тем, которые содержатся в производных конопли, но созданные синтетическим путем и с различными добавками к молекуле действующего вещества, отчего ее строение постоянно несколько меняется. От смены добавок меняются и свойства смеси. Именно эти особенности химического состава позволяли длительное время сохранять легальность смесей – сегодня это одно вещество, завтра - другое.

Действие этих синтетических каннабиноидов существенно отличается от действия природных. Прежде всего, даже картиной наркотического опьянения. В классическом варианте потребление конопли дает поначалу эйфоризирующий эффект, беспричинный смех и т п.

Коноплю ошибочно считают «легким» наркотиком. На самом деле каннабиноловый кайф – очень опасный и коварный. Внешне люди, покурившие конопли, выглядят, по крайней мере, не агрессивными, безобидными и т. д. Но существует множество научных работ, посвященных действию каннабиода и его влиянию на эмоции и волевую сферу, в том числе работы отечественных специалистов, проиллюстрированные примерами времен войны в Афганистане [1].

В настоящее время на смену марихуаны, героину и другим наркотикам пришли курительные смеси - спайсы. Спайсы всего лишь торговый бренд, а по сути, любая высушенная трава, хотя бы даже, аптечная ромашка, нанесенная на нее химическим веществом. Опасные смеси годами открыто продавали во многих странах, пока в конце 2000-х гг. не прошли экспертизу. Только тогда, синтетические каннабиноиды в составе спайсов запретили, в т.ч. и в России. Несмотря на это криминальный наркобизнес процветает. Под запрет попала только малая часть курительной синтетики, ее многочисленные аналоги остаются легальными. Вот и пестрят российские улицы и стены домов рекламой спайса.

Тысячи наркоманов подсели на так называемую курительную смесь - спайс, новый синтетичсекий наркотик, искусственный канабиноид. Его химическая формула меняется постоянно, последствия, от которых ужасны. По всей стране на протяжении долгого времени ФСКН РФ проводит масштабные операции по нейтрализации преступных наркогруппировок.

После серии массовых отравлений в разных городах в Кирове 400 человек попали в больницу с диагнозом отравление неизвестным наркотическим веществом, 12 из них умерли [2]. Это эпидемия, которая обрушилась на нашу страну.

23 июня 2014 года по инициативе ФСКН РФ был внесен запрет на оборот вещества, который называется MNB-018. Данное вещество появилось в начале 2014 года на территории РФ и предпринятыми усилиями ФСКН РФ удалось поставить его под запрет.

Последний раз столь же масштабное отравление наркотиками было в 2009 году. Это был "крокодил" - жидкий внутривенный наркотик на основе кодеина. Те, кто его пробовал, знают, что отказаться от него невозможно. Наркоманы "гнили заживо". В том же Сургуте кодеиново - содержащие препараты можно было купить в любой аптеке. Кодеин законодатели взяли под большой контроль. Однако это не остановило наркодельцов. Они, в свою очередь, перешли на спайсы.

Тем временем только за полтора месяца в больницы Сургута и других городов Югры поступило 220 человек, отравившихся спайсами, 16 из них врачи так и не смогли спасти. В Сургуте фонд "Матери против наркотиков" пытаются бороться с наркотической заразой. Они хотят и пытаются сделать все, чтобы "армия наркозависимых" не пополнялась, сохранить молодую поросль. В данном центре работают на безвозмездной основе разные специалисты от психологов до юристов.

Страшная эпидемия не щадит никого, ни богатых, ни бедных, ни здоровых, не больных. Любой может стать мишенью. После курения синтетических наркотиков, человек на 3-5 затяжке теряет сознание, возникают судороги и, чтобы привести его в чувство требуется несколько часов интенсивной терапии. По мнению наркологов, эти курительные смеси еще не прошли апробацию, т.е. подбирается доза, которая будет вызывать какие-то чувства одурманивания, эйфорию и т.д. А так как вещество химическое, поэтому и случаются передозировки этих веществ. Но тревожно то, что уровень потребления курительных смесей очень высок. Такой статистики не было ни в один год.

Система наркоторговли в нашей стране сегодня это устойчивая и хорошо налаженная структура со своими центрами, пазами, связью и своей иерархией. Место в этой структуре есть для любого наркотика, от героина до спайса.

О курительных смесях стало хорошо известно в 2010 году. Отраву продавали везде: в подземных переходах, в киосках, в ларьках с цветами, в магазинах, у метро. Спайсы запретили, торговлю с улиц убрали и, тогда наркомафия ушла в подполье, в интернет. Рынок спайсов структурирован, низшее звено - так называемые закладчики, которые сначала за деньги, потом за дозу делают закладку, т.е. прячут пакетик со спайсом в разных местах. Их чаще всего и задерживает полиция. На второй ступени стоят "барыги" - торговцы.

В этом году от спайса - убийцы погибли более 40 человек, пострадавших - более тысячи. Курительные смеси вызывают сильнейшую зависимость. А купить пакетик так называемого зелья (курительной смеси) можно всего за 300 рублей. В результате, в России спайсы приобретают в полтора раза чаще, чем героин.

Этот наркотик еще называют дизайнерским. Создателям курительной смеси требуется максимум месяц, чтобы добавить в формулу новый элемент. Свойства останутся прежними, а по закону это будет другое вещество, официально незапрещенное. Нанести удар, по этому криминальному бизнесу, поможет проект закона, внесенный Государственной Думой Президентом.

30 октября 2014 года Президент РФ внес в Государственную Думу законопроект о поправках в УК РФ и ряд других законов, документы наделяют ФСКН РФ правом введения оперативного моратория на так называемые "спайсы". Они будут отнесены к новым потенциально-опасным, психоактивным веществам. За незаконный оборот спайса вводится уголовная ответственность, в случае летального исхода, виновный в их распространении может лишиться свободы на срок до 8 лет [3].

Поправки в Уголовный кодекс РФ полностью запретят оборот спайса и других новых психоактивных веществ. По мнению, И.Яровой, председателя Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции, наличие медицинского заключения по данному веществу уже будет являться основанием тому, что любое из правоохранительных органов направлялись руководители в Федеральную службу наркоконтроля и незамедлительно по данному факту, даже единичному, это новое психоактивное вещество, включалось в список запретных.

За производство, сбыт, приобретение, хранение любых «спайсов» будет грозить штраф до 30-ти тысяч рублей или ограничение свободы до двух лет. Если нанесен тяжкий вред здоровью, то штраф возрастает до двухсот тысяч. Кроме того преступник может быть отправлен на принудительные работы или в тюрьму до 6 лет. А если пострадавший от употребления курительных смесей умер, наказание 5 лет принудительных работ или лишение свободы до 8 лет.

Будем надеяться, что данные меры помогут снизить ужасающую статистику смертей и искоренить данные курительные вещества с улиц нашей страны. А люди, в свою очередь, задумаются, что это может коснуться любого из нас.

Список использованной литературы:

1. Ярмлоленко А. В. Род 375. Конопля — Cannabis // Флора СССР. В 30 т. / Гл. ред. и ред. тома акад. В. Л. Комаров. М.: Изд-во АН СССР, 1936. Т. V. С. 483—484.
2. РИА НОВОСТИ— [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://ria.ru/incidents/20140929/1026119566.html (дата обращения 10.02.2015)
3. Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.fskn.gov.ru/ (дата обращения 10.02.2015)

©Ю.А. Хамидуллина, 2015

УДК 341

К.В. Шустова
студент 4 курса факультета истории и юриспруденции
Елабужского института
Казанского (Приволжского) федерального университета
г. Елабуга, Российская Федерация

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

Современное международное право часто называют правом Устава Организаций Объединенных Наций (далее – ООН). И действительно именно Устав ООН закрепил основные принципы международного права, которые были конкретизированы и дополнены в Декларации о принципах международного права (1970 г.). В дальнейшем Хельсинский Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.) дополнил общеобязательные принципы и внес ряд новых основополагающих принципов международного права [1, с. 90].

Одними из основополагающих принципов международного права и соответственно международных отношений являются сотрудничество государств и добросовестное выполнение международных обязательств (договоров), в том числе по поддержанию мира и безопасности.

В современном мировом сообществе на первый план выходят проблемы безопасности личности, общества и государства. Одной из них является экстремизм. Будучи основой терроризма, это опасное явление, приобретает довольно значительные масштабы, требует формирования новых механизмов, способных обеспечить необходимый уровень личностной, общественной и государственной защищенности в контексте социально-политических трансформаций.

Правовое регулирование деятельности по противодействию экстремизму и терроризму находит свое отражение как в национальном, так и в международном законодательстве. Борьба с экстремизмом и терроризмом на международной арене обусловлена транснациональностью указанных явлений.

Противодействие экстремизму является одной из важнейших задач ООН, а именно организация государственной и международной правовых баз, создание мощных антитеррористических центров и задействование для борьбы с экстремистской деятельностью вооруженных подразделений, налаживание социально-экономической обстановки как причины вооруженных конфликтов на территории публично-правовых образований.

Сотрудничество государств – значимый принцип в обеспечении международной безопасности, опирающийся на общепризнанные нормы и принципы международного права под эгидой ООН и предусматривающий необходимость преемственности международного законодательства. По мнению О.И. Тиунова, данный принцип должно рассматривать как обязательство государств развивать связи друг с другом по широкому кругу вопросов, в соответствии с целями и принципами Устава ООН, а равенство, взаимное доверие, добрососедские и дружественные отношения, международный мир и безопасность – его основные компоненты [2, с. 75]. Так, ежегодно, с 2005 года, по инициативе Российской Федерации Генеральной Ассамблеей ООН принимается резолюция «Недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости», содержащую положения относительно запрета пропаганды идей расового превосходства, дискриминации, экстремистских движений, создающих «реальную угрозу демократическим ценностям» [3, с. 374].

В связи внедрения преемственности международного законодательства по противодействию терроризму и экстремизму следует выделить Декларацию о создании Шанхайской организации сотрудничества, назначение которой заключается в укреплении между государствами-участниками доверия, сотрудничества, активизации совместных усилий по обеспечению стабильности, мира и безопасности [4, с. 27].

Значимым итогом в противодействии государств экстремизму является принятие в рамках ШОС Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, вступившей в силу в РФ с 29 марта 2003 года [5]. Конвенция определила понятие «экстремизм», установила в целях сотрудничества правомочия государств по созданию компетентных органов для предупреждения, выявления и пресечения действий экстремистской направленности и других антиправовых явлений, что является базисом для проведения совместных профилактических, следственных мероприятий, оказания правовой помощи.

Договор о коллективной безопасности и, принятые на его основе, международные соглашения отразили большинство важнейших вопросов, связанных с созданием Вооруженных Сил государств-участников ОДКБ, функционирование и взаимодействие с Советом Безопасности ООН и т.д.

Международный характер террористической и экстремистской деятельности становится предпосылкой для выработки государствами единой политики в решении ряда перспективных задач, относительно, во-первых, консолидации сил в совершенствовании совместных форм, методов, мер по профилактике и борьбе с экстремизмом и терроризмом, как крайним его проявлением; во-вторых, необходимости совместного разрешения вопросов, касающихся ликвидации террористической и экстремистской идеологии как фактора дестабилизации общественного порядка; в-третьих, более конкретной разработки критериев экстремизма в целях последующей разработки программы по эффективному противодействию.

Опираясь на идеи преемственности международного законодательства и развития международного сотрудничества по борьбе с экстремизмом, можно сделать вывод о

необходимости подчинения только международно-правовому регулированию действий государств по противодействию экстремизму, терроризму и другим угрозам с использованием силового варианта воздействия.

Список использованной литературы:

1. Жадан В.Н. Международное право в системе российского законодательства // Армия и общество. – 2012. – № 2 (32). – С. 88-93.

2. Каширкина А.А. Международно-правовое сотрудничество государств в борьбе с экстремизмом // Журнал российского права. – 2007. – № 12. – С. 75-84.

3. Петрянин А.В. Международное регулирование борьбы с экстремизмом: преемственность и перспективы // Юридическая техника. – 2011. – № 5. - С. 373-377.

4. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества от 15 июня 2001 года // Дипломатический вестник. – 2001. – № 7. – С. 27-29.

5. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года // СЗ РФ. – 2003. - № 41. – Ст. 3947.

© К.В. Шустова, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Р.Н. Абдрахманов
ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ 3

А.К.Агамиров
К ВОПРОСУ О РАЗВИИ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА 4

О.О. Айвазян, С.О. Енокян, А.А. Кукушкина
СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ
ОСНОВ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЦ,
ОСУЖДЕННЫХ ЗА УГОЛОВНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ 7

Н.Р. Байбулатова
ЗАЩИТА ВЕЩНЫХ ПРАВ СОБСТВЕННИКА ЗДАНИЯ
И СООРУЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 8

А.М. Васильев, Н.А. Васильева
УСЛОВИЯ ДОГОВОРА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ
СУДЬБУ ДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА 12

М.М. Васягина
ТОЛЕРАНТНОСТЬ
В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА 13

О.Л.Вербина
О СООТНОШЕНИИ КОНЦЕПЦИИ ДОСТОЙНОГО
ТРУДА МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА
И НОРМ ТРУДОВОГО ПРАВА РФ 16

Р.В. Герб
О ПРАКТИКЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОРГАНАМИ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ВОПРОСА СОЗДАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ПАЛАТ (СОВЕТОВ) В УСТАВАХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАНИЙ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
ОТ 21.07.2014 № 212-ФЗ «ОБ ОСНОВАХ ОБЩЕСТВЕННОГО
КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» 18

Р.А. Евтых
СРОКИ В СОВЕТСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ 21

И.В. Ершова
ГЕГЕЛЕВСКОЕ ПОНИМАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
И СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НЕМ 24

Е.А. Желонкина
АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ:
АРГУМЕНТЫ «ЗА» И «ПРОТИВ» 28

Л.Г. Зимовец, Т.Н.Матвеева, А.И.Пушкарь
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: PRO ET CONTRA 30

П.Н. Кобец
О ВАЖНОСТИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ
ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА 33

И.В. Козынкин, Д.В. Кириллов
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВА
НА ИНФОРМАЦИЮ 35

Н.С. Кошкин, В.С. Напалков
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ 39

Е.А. Кузина
ИНДИВИДУАЛИЗМ В ТЕОРИИ ПРАВА 43

В.И. Кузьменко, С.Х. Мухаметгалиева
НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА
В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА 45

Н. А. Кусмарцев
ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕЗАКОННЫХ ПРОИЗВОДСТВА, СБЫТА
ИЛИ ПЕРЕСЫЛКИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ 48

А.А. Лихолетов
ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ
НА СТАДИИ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ 50

В.А. Максимов
ОРГАН ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СУБЪЕКТ,
КОТОРЫЙ ПУБЛИЧНО ОБЪЯВЛЯЕТ О НАГРАДЕ
ЗА СОВЕРШЕНИЕ УКАЗАННОГО В ОБЪЯВЛЕНИИ
ПРАВОМЕРНОГО ДЕЙСТВИЯ В УКАЗАННЫЙ В НЕМ СРОК 53

Г.Р. Марданова, Р.Г. Хайруллина
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СМЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ
В НАЛОГОВОМ ПРАВЕ РОССИИ 55

М.С. Нестерова
ОСНОВАНИЕ ОДОБРЕНИЕ СДЕЛОК
ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ 56

И. Ю. Полумеева
ЛИЧНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 60

Е.С. Пчёлкина
К ВОПРОСУ О ПОСЛЕДСТВИЯХ ВВЕДЕНИЯ
НАБЛЮДЕНИЯ КАК ОДНОЙ ИЗ ПРОЦЕДУР БАНКРОТСТВА 62

О.А. Решняк
АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 21 ОКТЯБРЯ 2014 ГОДА № 25-П 66

И.А. Сарычев
ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ 68

И.А. Сарычев
СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 70

А.И. Терегулова
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕЛИНКВЕНТОВ ВО ФРАНЦИИ 72

Ю.А.Хамидуллина
УПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКОГО СРЕДСТВА СИНТЕТИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РФ 75

К.В. Шустова
МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ 78

Научное издание

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Сборник статей
Международной научно-практической конференции
20 февраля 2015 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 25.02.2015 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л.3,25 Тираж 500 Заказ № 203

Издательство "Аэтерна"
450076, г. Уфа, ул. Гафури 27/2
e-mail: info@aeterna-ufa.ru
Тел.: + 7 (347) 266 60 68